

Кт 1422549

ГОДЫ ЖИЗНИ

Александр Луи

ГОДЫ
ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ГОДЫ
ЖИЗНИ

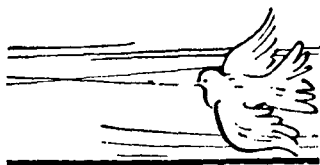
*Избранные
стихотворения*

КТ-1422549

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва. 1961.

Художник
М. ШЛОСБЕРГ

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,—
Рассказывает мать,—
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
— Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил,— мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,

Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог..
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

С ГОДАМИ...

Стали мы внимательней и строже
Жизнь сверять с безмерностью мечты.
Все ясней с годами, все дороже
Ленинского облика черты.

Из всего, что ныне вспоминаем,
Возникает, как родник чиста,
Не парадная, не напускная,
Человеческая простота.

Добрая внимательность во взоре,
Вдохновенный труд и страсть в борьбе,
И отзывчивость к чужому горю,
И суровость к самому себе...

На миру, с народом повседневно,
Он и спорить и шутить любил,
Был с людьми не просто задушевным —
Сердцем до любого доходил.

Мог неслышно появиться в зале,
Где-то в крайнем посидеть ряду.
Ходоки его одолевали —
Всяк свою выкладывал беду.

Ненавидя ханжество отроду,
Презирая болтовню и спесь,
Он делил с народом хлеб и воду
И хвалился только тем, что есть.

Мы на все глядим его глазами,
Правду нашу в мире утвердив,
Повторяем клятву:
— Ленин с нами!—
Нас не пересилишь:
— Ленин жив!

1956

ЗИМНИЙ ФОТОСНИМОК

Снег побелил ушанку,
Снег на воротнике,
Словно бы спозаранку
Был Ильич на катке.

И хохотал, и бегал,
Перегоня всех.
Брови что хлопья снега,
И на бородке снег.

Вот он встряхнул одежду,
Переступив порог,
Только с волос, как прежде,
Сдунуть снежок не смог.

Так и остались снежинки
На бороде, на усах,
Да на губах смешинки,
Да огоньки в глазах,

1960

А то еще — оторопею
И как собрату своему
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел,—

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог,
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья,
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами
Не торопясь ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
 как дела?
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра.
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман — промозглый, неуютный.
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам, шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздражение, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

* * *

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу за зря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю,—
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дому,
Загорланил совсем по-родному,
По-русийски,
По-свойски
петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень понятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили,
Много ль надо ей добрых примет, —
Лишь бы в срок петухи голосили.
Ты повсюду со мною, Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

НАПУТСТВИЕ СЫНУ

Сегодня праздник у тебя с утра,
И дома — всем понятное волнение.
Вот и тебе начать пришла пора
Свое второе летоисчисление.

Не на готовое идешь, мой сын:
Иные дни — иные и заботы.
Всем честным людям хватит до седины
И радостей, и горя, и работы.

И кто в каком ни возмужал году,
Мы, получая партбилеты, знали,
Что нам покой не писан на роду, —
Ни льгот, ни выгод никаких не ждали.

Да, нам всегда была близка мечта,
И не корысть кидала нас в сражение.
В нас жили смелость, самоотречение
И ленинского сердца чистота.

А повстречаешь, сын мой, на пути
Стяжателей, каких и мы встречали,

Знай — это просто накипь на металле,
Окалина,
Ее должны смести.

Для коммуниста легкой жизни нет.
Готовься не к парадам, а к походам
И помни, что от самого народа
Ты получаешь этот партбилет.

1956

* * *

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд,
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего —
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что написать вам?
Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

На праздник украшая город,
Мы вспоминаем без конца
Не только выстрелы «Авроры»
И легендарный штурм дворца.

Вся жизнь героикой богата:
Встают в сознании солдат
В одном ряду с великой датой
Все больше новых славных дат.

Наверно, будут по значенью
Перед историей равны
И трудовое напряженье,
И испытания войны.

А для кого-то годовщина
Уже давно приходит в дом
Днем свадьбы,
Днем рожденья сына,
Еще каким-то добрым днем.

Для торжества не в умаленье
Расскажет вдруг иной поэт,
Что первое его творенье
Под этот праздник вышло в свет.

А кто-то справил новоселье,
И с той поры из года в год
С парада прямо
Всей артелью
Родня к нему на пир идет.

Примет у праздника не мало
Помимо красного числа,
Для всех судьбою личной стала
И в быт история вошла.

1957—1959

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влечение:
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину смотрит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли лечение?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Все — с людьми по соседству,
Все — друзья наши с детства,
Оперенье и пенье —
Всей земле в украшенье.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство, —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство и только?
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые плутаем,
Будто глухи отроду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

Тоже с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рождению
Как во всем предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя,
Да царь-птицу...

И конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Ну, богаты на диво,
В чем-то даже избыток,
Почему ж нерадивы?
Разве быть бережливым
В наши дни — пережиток?

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

ТОВАРИЦАМ ПО ОРУЖИЮ

Что за лес, если в нем не страшно,
Ни волков, ни медведей нет!
Даже пень с клеймом и покрашен,
Никаких особых примет.

Все расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено,
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выстлан подход к реке.
Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом рудные горы,
Строевых пород сосняки,
Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
Если в лес не ходить из дому,
Душу где свою отводить?

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Мы, по чести, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

1953—1954

НА ВЗМОРЬЕ

Все побережье в пене, в прибое,
И сосны у края воды шумят.
Под вечер море не голубое,
Оно многоцветное, как закат.

Все краски, мыслимые на свете,
Густые тона небес и земли
На волны, которые поднял ветер,
Узорными радугами легли.

И все развертывалось, колыхалось,
Играло огнем до самого дна.
Менялось небо — и море менялось,
Перенимая его тона.

Казалось до этого все возможным,
А тут ни конца и ни края нет.
— Зачем не поэт я? — сказал художник.
— Владеть бы мне кистью! — вздохнул
поэт.

И музыкант на тонкие руки,
На руки свои взглянул тяжело.
— Я знаю лишь звуки и только звуки,
А тут еще запахи, свет, тепло...

А море назло как стукнет да грянет
Во всей своей мощи, во всей красе —
И вспомнить заставило об океане,
О беспредельной вселенной всей.

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им утром идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши,
А снова .
Остаться с нею наедине.

1953—1956

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят? Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца —
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

1

Мороз расписал оконные стекла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусной работой поблекла
Резьба по кости, по бересте резьба.

На темном стекле, что на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти взглядись.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом;

Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угоре,
Четыре березы под самым окном.

Грустишь, что навек расстался с
любимой,—
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она осязаемой и зримой,
А ветер, а вьюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной ее.

Дивлюсь на стекло, поднявшись
с рассветом,
И не дыша стою перед ним...
Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

2

Нам бы жить с тобой до седины
Где-нибудь в бору на юру,
На медведя один на один
С топором ходить поутру;

Иль, потуже стянув пояса,
Молотами пудовыми бить;
На плечах поднимать леса;
Нам бы лес вековой рубить,

Так земны мы и широки,
Ладно скроены да крепки.
Наши плечи что косяки,
Что булыжники кулаки.

Для чего ж нам сила дана?
Мы затворниками живем —
Дым столбом
И ночи без сна...
А еще говорят: поем!

Выйти легкие освежить,
Спину выпрямить недосуг...
Но гляжу на тебя, мой друг:
Разве можно иными быть?

Пробиваясь сквозь штормы, лед,
Чтоб открыть хоть клочок земли,
Хоть вершок —
Ледокол и тот
Иногда ломает рули.

Нет, не лишнее для певца —
Плечи грузчика, грудь бойца.
Хорошо с любой стороны,
Что такими мы рождены.

1939

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу — волны, сверху — сад,
Идут нарядные матросы
В атаку,
 словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень — на вражьих касках,
Над бескозырками — восход.
Все ж разбирался автор в красках...

Но злость,
Но гнев меня берет.

Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Людская кровь лилась рекой.

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех.
И самым смелым и веселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветистой раме,
Насквозь бы он его прожег.

1954

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не слушайте, когда вам говорят,
Мол, что ни год, становитесь моложе:
Ни часа жизни не вернуть назад,
Листок оторван — день навеки прожит.

Пускай друзья с подарками идут,
Пускай цветы подносят в день рожденья,
Но пусть они в честь праздника не лгут:
Сочувствие честнее поздравленья.

Почаще наливайте им вина.
Пусть пьют до дна, поют свою «Рябину»
И впрямь не видят, что уж седина
Посеребрила вас наполовину.

Зачем нам эта дружеская ложь?
Не слабого десятка юбиляры.
Стареем понемногу...
Ну и что ж?
Лишь годы проходили бы не даром!

1955

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забывая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд,
И пусть скворцы попрятались
в скворешни, —
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная — живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:

Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

Он, как наши мечты, велик,
Животворный русский язык!

1959

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как всегда, весна настала в марте.
Ручейки подспудно потекли.
Словно пятна белые на карте,
Исчезает снег с лица земли.

Зеленя напомнили о хлебе,
Пахнет старой, прелюю травой.
Раздались проталинки на небе
И по сердцу хлещут синевой.

Над рекою посвисты и писки.
Закипают мутные яры.
А вокруг, как девичьи записки,
Лоскутки березовой коры.

И деревья стали выпрямляться.
Все ж тревожно:
Так тяжел был снег,
Что, быть может, многим не подняться,
Не взметнуть вершин своих вовек.

Но в лесу стволов кондовых много,
Хороша их мачтовая статья.
Ведь наверно же они помогут
И подлеску голову поднять.

1956

ЧУДЕСА

Мир чудесами удивляем
И сами,
 глядя в небеса,
Как будто слов других не знаем,
Почти с испугом повторяем
Одно и то же:
— Чудеса!

Но на какое-то мгновенье
До каждого доходит вдруг,
Как откровенье,
Как прозренье,
Что это ж — наших рук творенье,
Все это дело наших рук.

И каждый, что бы он ни значил,
Где б ни работал, ни служил,
В решенье сказочной задачи
Свои, пусть скромные, удачи,
Свое терпение вложил.

Не будет сказано обидных,
Неверных слов на этот раз —
История сказать не даст!
Нет для нее простых, невидных,
Нет маленьких людей средь нас.

1959

ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА

Немало небоскребов Улугбека
Осталось от пятнадцатого века.
В путеводитель внесены не все
Мечети, мавзолеи, медресе.
Но даже те, что на виду стоят,
Не в будущее — в прошлое глядят:
Их создавали золотые руки .
Во славу Магомета — не науки.

И лишь обсерватория одна
В грядущие века устремлена.
Сей храм упрятать в глубине земли
Все мракобесы мира не смогли.
В дуге секстанта что-то есть от взлета
К неведомым космическим высотам,
Как будто здесь
До нас за сотни лет
Был агрегат для запуска ракет.

1960

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое, желтое темя.
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалишься, будто мертвый, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красную — у стен кремлевских —
площадь

Попозже приходите:
В ночь на ней
Стихает все,
Лишь ветер флаг полощет,
И ход часов истории слышней.

А лучше на рассвете:
Запах хвои
Острей к утру, дневного гула нет.
Вы — в центре мира:
Грянет башня боем —
И символом становится рассвет.

Широкие гранитные ступени.
Густые ели.
Самый ранний час...
Здесь через площадь,
Кепку скинув,
Ленин
Походкой легкой проходил не раз...

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать,
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях,
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу:
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун,
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую
Все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина.
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзросло мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1958

ЮГ-РЕКА

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль

о том,

Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И далеко,
чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно, и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним всё —
Нежным и просторным,
Добрым словом — В о л о г д а — зову.

Жизнь большая в дебри входит властно,
Волока — и те меняют вид,
Мы ко всем делам страны причастны:
Спутник и над Вологдой летит.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

1958

РАД ВСЕМУ

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан,
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже,
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысяч ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу:
— Торопись, ровесник! —
Счастливое утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

* * *

Тихий деревянный городок,
Белые печальные березы,
Залпы из винтовок
И гудок...
Ленин умер!..
В каждом доме слезы.

Память все хранит до мелочей.
Мы, сироты, снова сиротели.
Даже сон бежал от тех ночей.
Как мы повзрослели в те недели!

Стыла площадь.
Стыли пальцы рук.
Сердце под шубенкой замирало
И почти остановилось:
Вдруг
Смолкли залпы,
Тишина вокруг,
Холодней еще как будто стало.

Кажется, прошли с тех пор века.
Над Москвой салюты громовые
И в ракетных звездах облака...

Не забыть мне выстрелы глухие
Посреди лесного городка!

1949

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился,
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в суземах закружил

И водит — старая лиса.
Но в хвое парень увидал —
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача,
То светом вспыхнет впереди
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх — огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется — обман:
Все та же грива¹, речка, бор,
Налево — зыбуны, туман,
Направо — синий свет озер.

И под конец, когда устал,—
Прилег, разжег костер.
И вдруг
Лесной царевны услышал
Лукавый голос:
— Слушай!.. Друг!..

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузем под мой навес.
В трущобе человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач кадил,
И пир гремел во всем бору.

¹ Г р и в а — возвышенность, юр, увал.

Так на царевне на лесной
Женился мой земляк.
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной,—
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать,—
Деревня выросла. Ее
Блуднóвом люди стали звать.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944

*Деревня Блуднóво
Вологодской области*

* * *

Все, что было на́ землю
Нерадиво брошено,
Втоптано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу —
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения
Вплоть до горизонта
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой,
 без клея.

С темных крыш полезло
Ржавое железо.
О вниманье к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце
 нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее
И дороже стало.

1956

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму.
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает: искать самогонки
Или самоварчик подать.

Метнуться б к сынку, прослезиться,
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник поди-ка большой,

Но все же
Что было, то было,
И мать у него лишь одна,
Вспоила его и вскормила,
И вывела в люди она.

Недаром же ныне соседи —
И это заметила мать —
Ее ненароком в беседе
По отчеству начали звать.

1958

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья!.. —
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
— Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся,
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя!

1958

* * *

Я встретил женщину. Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел, смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какую сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь свою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю,
Как не признать! —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы, какво живешь?

Был на войне-то?

— Был.

— Вишь... уцелел.

Но до чего ж ты, мпый, постарел!

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С пол часа он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул.
И не плакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах
Кривую
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову,
Как награду бы я берег.
С ней носился бы по Блуднóву,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей,

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла
И любовь моя к отчому дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

* * *

Деревня.
Зори вешние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу прешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет — плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любитесь,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платица фасонного
Рукав до локотка.

Идет, как землю щупает,
Обувочкой форсит,
И семечками хрупает,
И глазками косит,

* * *

К сиротской доле относясь с участием,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал с пристрастьем,
Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!..—
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты?
Чего ты хочешь от меня?
За что, любимая, казнишь меня?

1959

ЮГ-РЕКА

Я услышал лесенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доньше не открыта,
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули,
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханнми — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая хвоинка так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1955

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний.
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает и садится.

Все земное могучим
Распускается цветом.
Только ивы плакучи,
Что зимою, что летом.

Чтобы скрыться от зноя,
Забираешься в хвою.
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чуешь даже спиною,
Как следят, не моргая,
Сотни глаз за тобою.

И спешишь на опушку,
К небу синему, к свету,
Хорошо бы с подружкой,
Да ведь нет ее, нету.

На опушке — проселок,
След колхозной трехтонки.
Оклики перепелок
Оглушительно звонки.

И — цветы,
Их так много —
Диких, северных, пышных:
Тоже все на дорогу,
Словно б из лесу, вышли.

Вдруг поднимется ветер...
Но зачем мне все это,
Если нет тебя, нету
И не знаю я, где ты?

Все не в радость, не в диво,
Мир тобой не озвучен.
Знать, поэтому ивы
Даже летом плакучи.

1958

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав
От своих удач навеселе,
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Все под силу,
Все ему под стать,
Молодому — в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк

И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола.
А тетерка чучелом была.

1959

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог,
Какие его богатства! —
В тайге лишь он царь и бог.

Сводить бы ее за медом
За свежим,
От диких пчел,—
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, все твое!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
— Пойдете в бор на прогулку? —
Она сказала:
— Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

— Смотрите, какие выси,—
Кричал он, — стена стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чаше,
Без усталости мчатся вперед,
Он стал забывать все чаще,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбреднула,
Охотник, взведя курки,
Понесся, как ветром сдуло,
На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —
Не под руку, где уж там! —
Она едва попевала
Бежать за ним по следам.

* * *

Грохот моря слышен издалёка,
Блеск его любого ослепит.
У воды ни отдыха, ни срока —
Берега гранитные дробит.

Родничок осоки не колышет,
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться, чтобы разглядеть.

Но вода и в нем стоять не любит,
День и ночь без устали поет.
Кто отыщет, припадет, пригубит,
А, припав, — не отрываясь пьет.

И опять придет, как на свиданье,
И заглянет в холодильник на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

1958

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего ленья
Оживилась округа.

Сразу — столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки? —
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры, и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

По деревне ходит хмель:
Под ногами пыль-метель,
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо,
Хоть и горд, а не спесив,
На ногах стоит не твердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодежи прицепился.
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы, — я над ними
Генерал и господин.

В сарафане ходит хмель:
По плечам — косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель.

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — косынка с плеч...

Из конца села в конец
С песней бродит молодец.
Жеребец прошел в упряжке —
Захлебнулся бубенец.

— Председателю правленья
Мой почет!
— Мое почтенье!
— Как живем?
— Куда с добром:
Целый день без году пьем.

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы по-стариковски
Пьем за здорово живешь.

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног пылит метель,
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

1944

* * *

Ночка лунная светла,
Тишина в конце села.
Материнские запреты
Девушка с души сняла.

Но слепа у нас луна,
Не заметила она:
Света лунного бледнее
Девушка была бледна.

То дрожала, как в ненастье,
То смеялась без ума,
А от страха иль от счастья —
Не сказала б и сама.

1944

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую. •
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой
встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,

К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы
Из мертвых, верно, могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины,
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блуднóво,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднóве,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую,
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пещедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блудно́ва,
И это моя судьба.

1958

МЫ ЕЩЕ ПОГОВОРИМ

В том году мы приглашали
На уборку горожан,
Жали сами — не дожали:
Выше росту урожай.

И была потом пирушка —
В фяд на тридцать два стола.
В том году к рукам Анюшка
Тракториста прибрала.

Я другому полюбилась,
Хорошо гуляли с ним.
Только я перегордилась
Перед миленьким своим.

Говорю ему: .
— Обидно,
Что какой-то ты такой
Незаметный да невидный,
Небаженный, небаской.
У подружки вон какой!

Он тебе и на собранье
И на праздниках в чести.
У тебя, мол, ну ни знаний,
Никакой учености.

За подол мой не цепляйся
И не висни на руке,
Нынче ж в город отправляйся,
Приобщайся к технике!

И ушел он.
Год без мала
Проучился.
Я одна
Как скучала, тосковала —
Знают поле да луна,

Да скамья на перевозе,
Где меня он целовал,
Да заметки на березе,
Что на память вырезал.

Хоть и парень,
Хоть мужчина,
А послушался, ушел...

Привезла его машина:
Он в кабине — сам большой.

И, гляжу я, изменился,
И ученым багажом
Предо мною загордился...
Ладно, думаю, ужо!

Говорит:
— Хлебнул, не скрою,
Я за партой маяты,
Но зато дороже стою,
Знаю технику...
А ты?

Вон на жнейке жнет Анюшка,
Говорит, и ты тянись,
Обставляет, мол, подружка!..
Ладно, думаю, гордись!

А сама — скорей в правленье:
— Председатель, будь родным,
Дай на курсы направленья!
Мы еще поговорим!..

1940

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!..
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу, дивлюсь, как чуду,
Не уставая дивится буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В теплом, хрустящем, хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится: люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней.
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

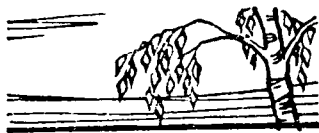
Радуюсь новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья,
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.

И пусть никто не кичится властью,
Помнит, что он лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит.

И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

ПРИСКАЗКИ

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскую веет силою
От большой без колец руки.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать.

1945—1946

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношенный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновой.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горящица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не ширится, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

ОЛЕНА

Что ни праздник, — на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выражены,
Парни с ними выдержанны,
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян —
И Олена пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядней, краше.

Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шелковые кисти.
Поглядишь — горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: — Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то, — говорит, —
Знать, мамашин!

Достоянье старины,
Бисер-жито.
Старый Север! — говорит, —
Интересный, — говорит, —
Пережиток.

А ему Олена прямо
И сердито:

— Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаким наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?!

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олена нарядна!

1936

* * *

Слòва-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось,
Чтоб любого проняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой?
Ягодой?
Ласково, но только
Не такое надо бы.
Долей облюбованной?

Светиком?
Касатиком?
Тоже не по-новому,
Не его касательно.
Дролечкой?
Державушкой?
Золотком? Все дешево:
Не такая славушка
У мово хорошого.

Девушек поспрашивать бы, —
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых.

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться
И слова заветные,
Может, сами скажутся.

1936

МЕТА

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
Ножиком на елочке
Памятку оставил мне.

— Зарастет, — сказал он мне, —
Штормы не помилуют:
Не прийти мне к гавани,
Не увидеть милую.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я:
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.

Море океаново,
Даль — дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит?
Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу слочку?!

1936—1937

ЛЕНОК

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец.
Уж я сеяла лен-долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями — в лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок.
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилек,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Всё как сон — не проснешься никак...
Нет,
Было так!
Выспели да выстоялись золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

Лен заводу сдали,
И в конце зимы
Ткани пестротканые получили мы,
Шитые обновы —
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берет мороз.
А какие шали —
Жарки и легки!
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931

* * *

Шла я нынче за́имкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайны́ка
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умы́слом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается —
До того хлопочет.
А о чем старается?..
А чего он хочет?..

Я сноровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черемухе солнце засветилось.
Только на березе ни одной единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменных,
Склеенных и связанных...
Каждое — подарок...

Мне одной ни писем, никаких открыток.
Неоткуда, не от кого...
Ветер веет пылью.
Выйду на околицу — все вокруг покрыто
Горькою полынью, черной чернобылью.

1937

АВДОТЬЮШКА

Ночь темна и звездами богата,
За селом опять костер горит:
Рожь — в сусеках, яровина сжата,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Рано спать Авдотьюшка ложится,
Только смеркнет над деревней свет.
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодежь танцует, веселится...
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району варят пиво.
Друг у друга девушки гостят.
Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка на растяг.

Ничего Авдотьюшка не знала.
Обряжала не свои дворы,
Столько горюшка изгоревала,
Что хватило б на десятерых.

Не любилось, даже не плясалось...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да, чтоб все вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
«Попойте малость,
Ожила Авдотья — шире круг!»

Вот она какая на народе!..
Но былую не воротишь стать.
И болит спина — опять к погоде..

А девчата ходят в хороводе —
Никакой погоде не унять.

1939—1940

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полю раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Перепугалась я: пуговики нет!..
И отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговики были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

За полночь все распрощались с ним.
Пуговики Ленин моей не заметил.
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...

Сердце мое забилося,
Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало!

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита.

1939

СЕВЕРНОЕ СКАЗАНИЕ

«На Мезэни было,
На Мезэни.
Не богата на Мезэни зелень,
Зыбунисты мшистые дорожки.
Но красны болота от морошки.

Меж холмами в Холмогорах было.
Только солнце лес позолотило —
Из неволи каторжной постылой
Уходил на полдень Ворошилов.

По пятам бежали, как собаки,
Царские продажные служаки,
Угрожали саблями стальными,
Пулями стреляли разрывными.

А кругом урочища медвежьи,
Дебри непролазны, непроезжи,
Все в трущобах смертью угрожало, —
Ни одной дороги не лежало.

В Холмогорье было,
На Мезени...
Требовал к себе Климента Ленин,
И спешил он дикой целиною,
Где стояли ельники стеною.

Впереди его летели птицы,
Чтоб в тайге ему не заблудиться,
Дятлы чернозобые стучали —
Волока полегче намечали.

В Заонежье было,
В заовражье...
Одолеl он все заслоны вражьи.
В три обхвата сосны и коряги
Он кидал в бездонные овраги,

Скатывал немереные горы
В синие студеные озера —
И легли мосты да переходы
За болота, за лесные воды.

Нынче та дорога ездвая,
Маршальской дорогу называют.
Есть под елью камень, мхом поросший,
И на камне след его подошвы.

Камень этот вам желна укажет,
В Заонежье это,
В заовражье,
Где теперь светлы и ясны зори.
В Запечорье было,
В заозерье...»

Доплела узоры кружевница,
Посмотрела на ребячьи лица
И в сундук коклюшки уложила.
«Говорю вам, значит, это было!»

1941

НЕВЕСТА

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке,
Хоть лопатой ягоды гребь.

Все под окнами, с деревней рядом.
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада —
Проводила молодость свою.

Но вокруг на сотню верст и дале
Ни избы — осина да ольха,
И в колхозе многие вздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?

Год проходит,
Наступает новый —
Ей одной как будто ни к чему.

СВАТОВСТВО

С. В. Щириной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят,
Балагурят,
Подбираются к одной.

Все хлопочут об одной,
Об Алене Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Говорили:
— Девка — бой!

В стольной Вологде и дале
Фомину Алену знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхоз одна была.
Невеселые дела:
Положенье — к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявилось все селенье.
Председатель изнемог:
Гомон, крики...
Что звонок? —
Колокол бы не помог...

Бахтюковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат,
Хоть кого перекричат.
Каблуками о пол бьют,
Сватам ходу не дают.

«Чтобы нашу-то Аленку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ.
Всем укажем поворот.

Обождать решили нас?
Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...»

А сваты и в ус не дуют:
— Увезем — и кончен сказ!

Мол, самую Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело,
Тени пали у крыльца, —
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель виновато
Стороной от сватов-хватов,
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,
Сам направился к невесте:
Дела этого по чести
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина готовит чай.
«Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном:
Без тебя и свет не в свет —
Замуж нам тебя, Алена,
Выдавать расчета нет!»

Фомина глядит серьезно,
Достает платочек звездный
И помахивает им:

«Что ж, пока еще не поздно,
Я не прочь — поговорим.
Может быть, каким советом
Помогу тебе,
Но, чур, —
Мне по нраву парень этот,
Ни за что сама на свете
С ним расстаться не хочу.

Сделай так, как научу...»

* * *

За деревней, над прудом
В две недели вырос дом,
Широченный, пятистенный —
Восемь окон,
Две избы —
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

Днем на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.
А под вечер
На закате,
Кто в телеге, кто верхом,
Наши сваты —
Тоже хватят! —
Подались за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи, —
Дел в артели — за глаза...

Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939

БАЛЛАДА О РЫБАКАХ

Отплывали в море восемь рыбаков,
Ветерок задувал не слабый.
Провожали жены своих муженьков
И, конечно, плакали: бабы!

— Перестаньте, бабы! — злились
рыбаки. —

На работе только помеха:
До подола косы, умы коротки,
Ни уйти от вас, ни уехать.

Понеслись шаланды скоро да легко,
Паруса над морем склоняют.
И беда настигла: несет рыбаков,
А куда? — и сами не знают.

Ввечеру барашки стали потухать.
А ночами ветер — ой, страшен!
И все чаще начали в лодках вздыхать:
— Где-то нынче бабоньки наши?!

Потянуло снова к дому, к шалашам.
Говорят:
— На часок хотя бы..
Бабы хоть и слабы, но все ж, по душам,
Никуда, ребята, без бабы.

А на небе тучи — тени широки.
Только вдруг из тучи, из ночи
Самолет пробился.
Глядят мужики:
Самолет ведет баба-летчик.

Покружилась, взмыла и пошла назад.
А потом по синим ухабам
Вылетает катер.
На лодках глядят:
Управляет катером баба.

Развернулась с ходу — за кормою чад,
На буксир принимает вроде..
Рыбаки послушны, неловко молчат,
Друг от друга глаза отводят.

Прибежали жены встретить муженьков,
Целовать в соленые губы,
Проливали слезы на грудь рыбаков.
Мужикам и слезы уж любви!

1941—1945

НА СЕНОКОСЕ

Сено высохло. Гребли,
Торопились, как могли,
Торопились, умурились —
По щекам ручьи текли.

Надвигалась из-за леса
Грозовая дымзавеса.
Появились ветерки,
Завивались вихорьки.

Дождь нагрянет, сено смочит —
Не кажись домой с бедой.
Кто приход дождя отсрочит?
Кто заведует водой?

Бригадиру нет покоя,
С темных туч не сводит глаз:
«Хорошо бы за рекою
Задержать грозу на час.
Все правленье,
Все селенье
Положилися на нас».

Но в бригаде был малец.
Молодец-то молодец,
Да годков ему двенадцать, —
Где за взрослыми угнаться.
А отстать или присесть
Он не может — гордость есть.

У него свое желанье.
Шепчет, словно заклинанье:
— Поскорее, дождик, лей,
Поскорей, повеселей,
Хоть не крупный, не проносный,
Догребли бы сено после!

Дождь не долго собирался,
Но пока огонь сверкал,
Бригадир не растерялся —
Сено свежее убрал.

На привале, пообедав,
Отдыхая без помех,
Люди хвастались победой,
А мальчонка... больше всех.

1945

ДОЖИНКИ

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей —
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Рябиною, брусникою
Несет от всей земли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле,
Да река еще,
Как небо, широки...
Овса несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Все убрано машинами, —
Нет слов, они в чести, —
Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажн работу вострую,
Проворствуй у межи,
Со всеми вместе горсть свою
На пояс положи!

И загадай желание,
Какое поважней...
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чем мечтается...
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется,
Что тут загадано.

Нам нет путей заказанных,
Задумывай что хошь.

О суженых, о ряженных
Гадает молодежь.

Одни о выдвижении
На курсы в область, в центр,
Другие — о снижении
Мануфактурных цен.

А кто в соревновании
Победу одержал,
Тот о геройском звании,
Об ордене мечтал.

И чтоб в столицу съездова,
Лишь кончат обмолот,
Со всех концов их вызвали
На всесоюзный слет.

Дожали всё как следует,
И вот сошлась толпа
У «гостьи» —
У последнего
Овсяного снопа.

Большой — в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не застя,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная,
Не богатая, не бедная,
Женщина безвредная.

Промышляла, чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила;
Если свадьба где была,
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдет в лесок,
Возвращается с грибками,
Или сходит на часок
С удочкой за окуньками.

Иль за мельницей в силос
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе сготовит.

У соседа дом как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нем
Лавка и лежанка.

У соседа за столом
Не семья — бригада,
А она с котом вдвоем —
Много ли ей надо.

Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да, сказать, по правде, Настю
И в расчет не брали власти.
Неогляден белый свет, —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно б людям не чужая,
И своею не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
Вы в уме ль?
Кур смешить на склоне лет?..

Силы нет!
Здоровья нет!

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живет!

Раз в осеннюю страду
Попросили выйти в поле.
Обозлилась:
— Не пойду!
Если будете неволить,
До Калинина дойду.

* * *

Может, все жите Настасьи
Так сторонкой бы и шло,
Может, не было бы счастья,
Да несчастье помогло.

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода дотемна.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегал пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

Бабы спать ночей не стали,
Все заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лен теребят дотемна.
Вот и осень наступает...
А Настасья все одна.

На душе нехорошо,
Грех один с такой душой.

И однажды в день ненастья
На гумно пришла Настасья.
— Бог на помощь!
— Слава богу!
— Как живется?
— Понемногу.

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах иль сердце ноет?
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберешь.

— Видно, бабы, я слаба,
Одолела худоба.
Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотба?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?

— У тебя ж здоровье слабо!—
Отвечают бабы.

— У меня здоровье слабо,
Но теперь война идет,
Потянуло на народ.
Ну-ка, дайте место, бабы!

Ой, как ладно сноп ложится,
Не привод поет — душа!
— Хороша, соседки, ржица!
— Мы не хаем, — хороша.

До заката потрудилась,
Постонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась
И еду с собой взяла.

— Как живется?
— Понемногу.
— Как дела?
— Да слава богу.

— Снова, что ли, на работу?
— А неужто не гожусь?

Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь.

— Понимаем — говорят.
— Принимаем! — говорят.

Полилось потоком снова
Золотистое зерно.
Пыль над током да полова,
Кажется, горит гумно...

И спустя полгода Настю
Похвалили даже власти...

Уж война проходит вроде,
У Настасьи в сердце свет.
Из артели не выходит,
Говорит:
— Желанья нет!

Говорит:
— Не буду доле
Мыкать горькую нужду.
А погоните неволей —
До Калинина дойду.

1944—1945

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

В новом рабочем клубе,
Светлом от свежих плакатов,
Пахнущие опилками,
Землей и зерном,
Чуть свет
Пильщики и крестьяне
Сошлись намечать кандидатов
В Верховный Совет Республики,
В народный Верховный Совет.

«Я предлагаю выбрать
Авдотью Петровну в Совет.
Лучше льновода, верно,
В целом Союзе нет.

Вот она, всем родная,
С нами сидит у стола.
Слава ее трудовая
Землю всю обошла.

Авдотья выходит в поле
По золотым часам.
На кофте Авдотьи орден —
Калинин вручил ей. Сам.

Думаю, будет Авдотья
Защитницей наших прав.
Высказывайтесь, товарищи,
Прав я или не прав».

К столу, на ходу охорашиваясь,
Подружка Авдотьиная вышла,
Пояс на ней что радуга,
Как звездочка, брошь светла.
Поверх голов посмотрела,
Прикинула, будет ли слышно, —
Людей, чай, не меньше тысячи, —
Откашлялась и начала:

«Нынче моя парочка у всех на виду,
И я об Авдотье речь поведу.

Жили мы дружно — ничто нипочем,
Дело поднимали одним плечом,
Горе плечом и нужду плечом,
Пахота, жнива ли — все нипочем.

Но был один случай — скажу о нем.
Лен теребили мы за гумном.
Встали на лен,
А лен не по мне:
Я даю десять, она -- вдвойне.

Ласточки еще не кружат в полях,
В небе ни облачка, след на траве,
Спит как убитая вся земля,
А мы уж на льнище. Обе-две.

Дали по кофте нам — в бабочку шелк,
Ситцу нам дали — все хорошо!..
Только мне в поле — хоть не ходи:
Я — сто снопов, она — впереди.

Что, баю, за чудо. Как быть-стать?
Думать решила да примечать,
Взяло за живое, жить не дает...
День прошел, два прошло, три,
И вот

Стал-таки праздник на моей стороне:
Она дает десять, я вдвойне,
Она ставит сотню, я полторы...

Ну и повыхаживалась я в те поры!
Песен заодно с Евдокией не пою,
Чаю из общей заварки не пью,
Лен отказалась стлать сообща...

А подружке хочется все по душам:
«Что ты словно дуешьсѐ, злишьсѐ все,
Что ты, бает, пароцька, сердишьсѐ?»

Я себе ломаюсь да форс задаю...
Но стали мы работу сдавать свою,
Вывалили мой из предбанника лен —
Старики довольны: лен как лен —

Привезли Авдотьи́н — мой на смех:
Лен у Авдотьи́ — что тебе снег!
Щупом перещупывают каждый сно́п,
Лебедь белоперая — каждый сно́п.

Я — к Евдокии:
«Что за ленок!
Сколько лежал? В какой воде мок?»
А она смеется:
«Форс-то брось!
Надо наперед расстилать не врозь.
Я ли не звала тебя? Где ты была?..»
И, как бывало, к себе повела,
Чаем поит меня, с медом поит,
Книгу показывает.
«Вот!» — говорит.

Нынче Авдотью́ знает страна.
Наша Авдотья́ во всем видна.
Бабы — от нас и до Чухломы —
«Как, мол, Авдотью́шка, так и мы!»
Нет подходящей в Совет лица.
Выберем Авдотью́.
Справится!»

За красным сукном президиума
Сидят мастера-пилоставы,
Сидят мастера-колхозники,
Пильщики — в два ряда.
На самом краю скамейки,
От выступающих справа,

Сидит Евдокия Петровна.
Скуласта.
Немолода.

Не робость — чего робеть ей? —
Но жажда томит, нет мочи.
И так завсегда, лишь станут
О ней на миру говорить:
Пересыхает горло,
Глотнуть бы хотя разочек,
Хотя бы один глоточек,
Хоть губы смочить — не пить.

Графин стоит в отдаленье.
Наверно, как лед, водица!
Но надо тянуться...
Авдотье
Припомнился случай один:
Вот так же в Кремле сидели...
Вокруг незнакомые лица...
Когда, захотев напиться,
Она потянулась к графину,
Калинин ей подал графин.

Сначала она оробела;
Потом, одолев смущенье,
Оглядываясь на соседей,
Несмело графин взяла
И, поклонившись, села;
Держала графин на коленях
Да широко улыбалась.
Но пить уже не смогла...

Сутулясь и чувствуя, что немеет,
Авдотьи́н муж на трибуну взошел.
«Товарищи! Я говорить не умею...»
Из зала:
«Роботаёшь хорошо!»

Слова эти круглые, словно колеса,
Ему подсказали: кругом свои!
«Товарищи, я про жону свою...»
«Просим!»
«...Про все обтолкую как член семьи...

Вот тут одобряют Овдотьи́но имя,
И надо народу знать обо всем:
Как нам жилось при старом режиме,
Как при колхозном режиме живем.

Жили мы с ней — ни себе, ни богу.
По старому времени я ее,
Прямо скажу... колотил немного,
Так... за нерадостное житье...

Было положено: за недороды,
За мор — за все отвечать жоне,
Жонка жила в стороне от народа,
Прямо скажу, по моей вине.

Но вот наступил советский порядок,
Здесь стали строить лесозавод.
Вижу, всему жона моя рада,
Вижу, свою она линию гнет.

Начал колхоз осушать болота —
Грязь, комары, по суткам дожди;
Прямо скажу, не сладка работа,
А Евдокия опять впереди.

Когда ее стали знать в исполкоме,
В обкоме
И взяли в Москву на слет,
Я думал: теперь полушалок заломит
И от моих от ворот — поворот.

Ничто. Повстречались честь по чести.
Обид не имею, в семье совет,
За все мы беремся с Овдотьей вместе,
И мне как мужчине зазору нет.

Она понимает душу людскую,
На все у нее свой сердечный суд.
И я за свою жону голосую
И сыну родному скажу: голосуй!»

Авдотья глаза опустила:
«Пошел муженек хвалиться!..»
Лежат ее крупные руки
Рядком на краю стола.
Опять, как на сенокосе, —
Хотя бы глоток водицы!
Сейчас выступать заставят,
Ей жажда губы свела.

Тогда, осторожно поднявшись,
Она из-за стульев выходит,
Не утерпев, потянулась
К графину издалика.
Но кто-то графин забирает,
В стакан наливает воду,
И вот по рукам к Авдотье,
Сверкая, плывет стакан.

1937

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошаdkою.
Про Овдотью Олексеевну выпрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены,
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку всячину коклюшками плетет:

Косорядку, пучеглазку, волчий рот...
Пусть припомнит, как поутру, по росе
Мы с ней путали-мотали валансьен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.

И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря, воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
У Насти,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учится норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дряля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру — салют!»
Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговики в ряд,
Цветики на ковте...
Добер наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Вережку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,

Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью стать,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

1. СОСНОВАЯ ГРИВА

Бор как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на гриве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гривы достаем.

1945

2. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистой медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скупясь, со шкурою —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурого,
Если б сталь не прочна была.

1946

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Лучше девушки Натальи
В целой области не знали:
Все умела,
Все имела,
И умна, и весела,
И без дела не сидела,
И без песен не жила.
Женихи со всей артели
Просто очи проглядели.

А Наталья на досуге
Запиралась от подруги
И садилась у стола,
В руки зеркальце брала,
Говорила:

«Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль в деревне всех милее,
Всех нарядней, веселее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет,
Ты, Наташа, всех милее,
Всех нарядней, веселее».

Началась война.
В колхозе
Провожали женихов,
У реки, на перевозе,
Целовали пареньков.
Слезы девичьи лились:
«Отвяжись, худая жизнь!»

Дни и ночи на работе, —
Так хотели их дружки, —
На полях, на обмолоте
Даже в праздник девушки.
Руки, ноженьки устали
У красавицы Натальи.
Шел четвертый год войны —
Нет на сердце тишины.
Все хотелось сделать больше,
Коротки казались дни,
Вот уже ребята в Польше,
Вот уж в Пруссии они...

Как-то в марте иль в апреле
Косу на ночь заплела
И сдержаться не смогла:
Повздыхала у постели,
В руки зеркальце взяла
И сказала:
 «Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль на свете всех милее,
Всех дородней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Прежней свежести уж нет!
Похудела ты, Наташа,
Подурнела, радость наша,
Отдохни, не надорвись,
Красоту поберегла бы:
Без нее и жизнь не в жизнь.
Без нее куда вы, бабы!»

Ой, как вспыхнула Наталья!
Ой, как вскрикнула Наталья!
Не ждала такого зла
От когда-то дорогого,
Нынче лживого, слепого,
Окривевшего стекла.

«Сгинь! — и топнула ногою. —
Я найду себе другое.
Вот пройдет война, мой свет,
Поглядим тогда, — сказала, —
Лучше я иль хуже стала,
Будут сватать или нет.
По всему, не знаешь ты
Настоящей красоты».

Радость, как ее ни ждешь,
Все нежданна, нежданна.
К нареченным да желанным
Из-за моря-океана
Воротилась молодежь.

Сердце, что ли, озарилось,
Как победа подошла,
А Наталья расцвела:
Словно чудо совершилось —
Лучше стала, чем была.

1944—1945

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье как сбор назначен,
Только скатертку постлать.
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
С краю сам большак сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну, — сказал он, — по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,
Всей своей семье и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда! —
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру, —
Лучшей не видано
Во всем бору.

Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной.

Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь все для соленья
И все для варенья —
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя —
Ешь не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен,
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

— Ах, — говорит, — до чего ж он мил!
(И зверолов глаза опустил.)
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес.

Рыжий чуть слышно шепчет:
— Ага! —

Роет песок носком сапога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу!

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам сызмалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой,
Не подведу вас, не осрамлюсь!.. —
Парень, потупясь, мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы гудят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жметя, краснеет средь бела дня.
— Что вам бояться?
Такой большой!
Ну, поведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелю...
Может быть, там я вас люблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи;
В чашу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
— Не трусь!..

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

* * *

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полночь в чугунах не отстучали
С каланчи, знакомой искони, —
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на росстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

Как решетка, тын стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Все порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937—1939

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном доме собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий, да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свеживал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.

Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —

Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло быльем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру, —
Носа не просунуть комару.

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных,
Окуренные на века в овинах
Живут поныне сказки и былины,

Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом, — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, —
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде —
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мгlistой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937—1939

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженки вы, ноженки,
Ботинки-скороходы!

Дубленые, солдатские, —
Шнурки в пыли багровой,
Подшвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные, —
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-сороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля вовек не видела
Уверенней походки.

1945

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, —
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рев атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже,
Переношу тяжелый путь, —
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой — удачи и победа,
Поёшь и ходишь как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ПОЛЕ

О поле, поле!
Пушкин

Где конец его и где начало? —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк —
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг,
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагам неотвратимой карой.

Еще один — в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутись?..
Враги из дальнбойных бьют орудий.
Смятенья в нашем городе не будет:
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

1942

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристаёт.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель
И шатер — моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Повеет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть, —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Строча из сотни пулеметов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк бил из пушки, пулемета,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже, —
Затихнув, бивень опустил.
Не выпуская экипажа,
Его решили в штаб вести.

Фашистский танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Приземистый и тупорылый,
Он заревел, что было силы;
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?

Едва из топкого болота
Наш танк втащили на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгремев утробю железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим — он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол, —
Он сам уже врага повел! —
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темно-зеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полям ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы снопы.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,

Только б врагам не давал пощады.
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга о запахах сада,
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Толи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь глухую
Беззвездным, безлунным,
В полдень знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

НОВИЧКИ

Что впереди — за насыпью? за скатом?
Бойцы остановились на опушке:
Быть может, их окликнут автоматы,
Гранаты рявкнут — стой!
Иль даже пушки?..

Кусты и кочки в сумерках двоятся.
Боятся парни,
Парни с толку сбиты.
Они еще покуда землепашцы,
Недавно из села — не следопыты.

Остались только узкая дорога,
Песчаный склон да перешеек пашни...
Врагов, быть может, в зарослях немного,
Но их не видно,
И ребятам страшно.

Врастают в землю и дубеют ноги.
Тогда бойцы шинели подбирают,
На животы ложатся и дорогу,
Почти зажмурившись, переползают.

Хоть непривычно ремесло солдатя,
Но отступить без толку неохота:
Они — трудолюбивые ребята,
Должна быть в срок закончена работа!

Им только обнаружить супостата,
И страхи минут,
Оживут ребята.

1944

ЗЕМЛЯНКА

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты, чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи, и ни дня
Без тревоги, без огня.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой,
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем,
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин, —
Дескать, милости прошу!

— Милости прошу гостей.
Живы и здоровы?
Нет ли свежих новостей,
Сообщений новых?

Нет ли, словом,
 про войну
Под Ростовом-
 на-Дону?

Озираемся, присели.
Что за терем в самом деле!
Просто — мирный уголок.
Пол из досок, ровен
И промыт,
А потолок
В три наката бревен:
Хоть громи прямой наводкой,
Не пробьешь во веки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз: печка, два котла,
Кот сибирский у стола,
Умывальник в уголку,
Полотенце на крюку
И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Кубрик светел, как поднос,
Весь зашит в зеленый тес.
Со стены оглашено:
«Здесь курить воспрещено!»

Есть прибор для туалета —
Чашечка лучистая.

Вместо скатерти — газета,
Но газета чистая.

Не беда, что каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец, —
Нет цены землянке.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
— Превосходная квартира!
А на сколько ж зим и лет?

Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки.
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

Может, солнце на восход —
И покинем этот дот:
Пусть играют в нем ребята,
Ну, а мы пойдем вперед.

Тяжело, но выстоим.
А фашистов выставим
Да возьмемся за работу —
Мы такое выстроим!..

1941

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет,
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушубках и в пимах
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы,
Не спешат с отлетом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем слепят глаза до боли.
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля.

Не смиренье — сжатый рот,
Даже вздох — с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленье.
Трудный сорок первый год...

1945

* * *

Здесь орудийные раскаты
Не нарушали тишины,
В полях посевы не примяты,
Селения не сожжены.

Березы светлые, густые,
Не тронут бор — к сосне сосна,
И если есть стволы кривые —
Их покривила не война.

Но на какой дороге слезы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

В конторе, отшвырнув костяшки,
Уставший за день счетовод
Березовую деревяшкой,
А не ногою о пол бьет.

Не знали здесь неволи горькой,
Враг не был в этой стороне,
Но председатель в гимнастерке,
Он не забудет о войне.

За полночь ляжет, первым встанет,
А на поля с людьми пойдет —
Он в душу каждому заглянет,
Как будто в бой ведет народ.

1944

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть нуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944—1945

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чебра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили,—
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

1942

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад ни вперед,
Ни взад ни вперед и наши.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город все ошутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал
И все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

1942

АТАКА

В густой траве, за буёраком
Лежал он молча и курил,
Когда пронёсся крик:
«В атаку!» —
И пулемет заговорил.

И сразу рожь вокруг и ели,
Кусты и желтые пески
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в виски.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознания нить.
Узнав фашиста на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Во рту горчило,
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логоу,
И злобно выплюнул сигарку,
Изжеванную на бегу.

1943

КОНТР-АДМИРАЛ

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга — море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
За полночь мина борт пробила,
Через пробоины забила
В отсеки темная вода.

Седой, в очках контр-адмирал
У щели смотровой стоял;
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

В протоки набивался лед
Сплошную серую громадой,—
Он говорил одно:
— Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда.—
И катер находил проход.

Враг вылез из прибрежных нор.
Контр-адмиралу доложили,
Что снова немцы борт пробили,
Из строя выведен мотор;

Что в днище два фонтана бьет,
Воды по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...
Контр-адмирал сказал:
— Вперед!
К рассвету фронт снарядов ждет,
Пробьемся на одном моторе.

Всему на свете вопреки,
Шел катер,
Шел в изгиб реки
Сквозь лед, свинец, в огне орудий.
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда —
Стучали в борт, что град по крыше,
Лишь рубка — крепость, лишь туда
Не проникала смерть...
Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел.

И вот на срезе — на краю
Его увидели большого,
Давно знакомого, родного.
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.

Кто на ходу ни кинет взгляд —
Всем кажется: опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка, и бушлат,
И за плечами ленты реют...

И вот он — дымный Сталинград.
Причал,
И ветлы зеленеют.

1942

ЭТО БЫЛО НА ВОЛГЕ

Это было на Волге, на великой русской реке.
Немцы с берега, с кручи подбили наш
бронекатер,
И его по течению к вражеским рубежам
Понесло, колыхая, как раненого баклана.

А чудес не бывает даже среди моряков.
В Волгу вытек бензин, вода заливала отсеки,
Остывали моторы, как стынут в степях
мертвецы,
И река вспять не шла. Надвигался вражеский
берег.

Это было на Волге, не на море — на реке,
Но морские законы живут и на пресных водах.
Людам в черных бушлатах даны большие
сердца,
Нерушима вовеки матросская ратная дружба.
Пусть враги не ликуют!
На выручку кораблю,
Развернувшись, пошел под огонь другой
бронекатер.

Сверху ринулся он, как дельфин, разбивая
волну,—
Волжским танком прозвали его бойцы
Сталинграда.

Никогда не забудется эта свистящая ночь:
Бронебойные пули летели над головами,
От разрывов вокруг в рубке было светло,
как днем.
Командир курил давно не дымившую трубку.

Это было на Волге, на великой русской реке.
Задний ход под обстрелом для всех одинаково
страшен.
Дали задний матросы, когда перебило буксир,
Второпях своим телом пробоины закрывали.

Пусть услышат меня наши жены и сыновья,
Пусть всплакнут наши матери, гордые нашей
славой,
Пусть поймут дорогие, на чем мы держались,
когда
Снова лопнул буксир и концы погрузились
в воду.

Командир бронекатера встал во весь рост
на корме.
Трижды рвался буксир и четырежды пылся
катер,
Волны били в борта и откатывались, удивлены
Силой раненых наших, которые не стонали.

Это было на Волге, на великой русской реке.

1942

В СТАЛИНГРАДЕ

Пылали всю ночь крутые яры.
Дышали мы пеплом, летящим мимо.
Пожары ползли к кораблям с горы...
Но мне было жарко не от жары:
Не разыскал я своей любимой.

Перебегая из щели в щель,
Я долго метался в районе вокзала,
Где до войны она проживала.
От пыли моя с якорями шинель,
Морская — армейскою, серой стала.

Что будет с любимой?
Даже броня
Горит, как тесина, дороги тлеют..
Сперва показалось:
Ничто от огня —
Ни небо, ни воздух не уцелеют.

Но утром, когда рассеялась тьма,
Увидели мы в проступившей дали,
Что трубы и башни, не дрогнув, стояли,

Что новые наши сады и дома,
Казалось, к себе прикоснуться не дали;

И все, чем гордился родной народ,
Чем славилась Волга в последние годы —
Рабочие улицы, клубы, заводы, —
Живет, несмотря ни на что, живет!

Мальчишки сновали по мостовым, —
Припомнились школьные перемены...
И мы поклялись, что здесь устоим,
Хотя б довелось против всей вселенной.

Повеселев, я поверил тогда,
Что встречу с любимой,
Что годы иные
Застанут нас вместе, что минет беда:
Подруга моя была молода,
Из жизни легко не уходят такие.

Спустя три-четыре тревожных дня
Узнал я, что жизнью своей рискуя,
Она выносила больных из огня,
И было ей вовсе не до меня:
Такою — знал
И люблю такую.

* * *

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами,
По небу стилому птицы летят
Клиньями,
Косяками.

Двигутся, будто вокруг земли —
Где он конец потоку? —
К югу от холода — журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Крики людские птичьих грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Долго, до смерти забыть не смогу
Ветер сырой, осенний.
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

1942

НАШИ НЕЛАДЫ

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

Стали мы вдвойне любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины.

На болотах кожуру
Ягоды не собранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе:
Все в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посылает милый телеграммы:
«Помни тчк люби меня
зпт приезд не за горами».

Не успею разобрать одну —
Посылает срочную другую:
«Жив здоров любимую жену
обнимаю зпт целую».

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк?.. — наверно, про войну,
Зпт?.. — убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учен.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму вот не понимаю!

Подаю последнюю ему.
Прочитал старик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует, каждый разберет.
Зпт — по-моему, на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед...—
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали!
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом на розовом листе
Написала молнию такую:
«Зпт, любимый, зпт,
жду с победой скорою, целую».

1942

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес,
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь.
Все как в детстве было!

Он решил, что о войне
Вспоминать не будет,
Отоспится в тишине,—
Кто бойца осудит?

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из соседних деревень
Подошли молодки,

И, развесив на стене
Карту полушарий,

До полночи о войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Только встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел.
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом.

Приглашали — исправлял
Мельницы ручные,
Сотни писем написал
В почты полевые.

Да случилось под конец —
Как? — и сам дивился,—
В Зою Павловну боец,
В доктора, влюбился.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И шутили люди:
— От любви, не от войны,
Отпуска не будет!

1944—1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит — не шелохнется.
Мальчик рядом с нею то вздохнет,
То счастливым смехом засмеется.

Карте школьной тесно на стене.
Костылем по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьих шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах —
От рассказов вьюжным ветром веет.

Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал,—
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цинга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы.

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над недрами земными примут,
Ветры, водопады приручат,

Верно, будут на луну летать —
Время сказкам былью становиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать!

1941—1945

ШТОРМ

Ветер который день не стихает,
Верно, такой никогда не дул,—
Камни ворочает,
Землю качает,
Не умолкает над морем гул.

Волны о берег скалистый бьются
И поднимаются на дыбы,
Будто глубинные бомбы рвутся —
Пенные к небу летят столбы.

Голы холмы и деревья голы,
На небе тучи, как черный чад,
Словно и там аулы, и села,
И города родные горят.

Только китам под стать это море.
Рыбы — в глубинах, птиц—ни души..
Слава же тем, кто умеет спорить
С бурями на море.
Слава большим!

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалистому — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

1944

ПОСЛЕ БОЯ

Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не крлеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу.
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой!

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И все зеленое, все голубое
Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озер
Мои друзья разложили костер.
Все живы, еще один выигран бой.
И я живой.

Орел все ниже, все ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых распластанных крыл.

Все необычно, для сердца ново —
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.
Поднявшись в рост на камне
лобастом,

Приветствую:
«Здравствуй, родная земля!»
И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»
И веселей шумят тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огонь!»
«Огонь!» — отзываются горы.
«Москва!» — кричу.
Повторяют:
«Москва!»

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах,
Расправь свои плечи, живи, цветы!
Ты — наша.
Мы снова с тобой — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперед!» — кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперед!»

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землею красный флаг.
Далеко сегодня разбитый враг.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка —
Кусочек травы, полоска песка,
Израженный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была — огнем сметена.
На ровной поляне щепка одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов.
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов

петля

Две земли разделяла.

О Малой

Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно,

С большою слили ее в одно,

И я не увижу ее никогда:

Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,

Потом в Сталинград

Война меня бросила: я солдат.

А жаль, что я не на каждый порог

Как вестник свободы явиться мог.

Земли обездоленной каждую пядь

Хотелось бы мне самому

вызволять.

И видеть хочется всей душой:

Сольются — настанет же день

такой! —

Все Малые земли с нашей

Большой,

Как малые реки с большой рекой.

1944

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

И куклу и кошку достали где-то,
Но мальчик сурово сказал:
— Не играю! —
Тогда надарили ему зажигалок,
Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,
Нашли портного в соседней части,
Старшинскую форму по росту сшили:
— Бери, сынок, да носи на счастье!

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей
школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали —
За что воевали мы,
Что отсталяли,

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных —
О старых и малых,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

* * *

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травую луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побегии..
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

* * *

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет.
На севере далеко
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля,
Оно огнем играет
Над башнями Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь —
Поднимешь весь народ.

1945

САМА ПОБЕДА

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идет! Идет!..

— Далеко ли он? —
Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уже сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль как дым,
И гром гремит
Над лесными далями...

Кто-то издали кричит:
— Гусеничный!
«Сталинец»!

Мир!
И тракторы опять
В села стали поступать.

Он пронесся вдоль селенья
У народа на виду,
Встал под окнами правленья —
Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья.
Встреча? Что же, так и след!
— Добрый день!
— Мое почтение!
Потрястись для развлечения
Есть охотники иль нет?

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
— На какую скорость ставить?—
Отвечают:
— Ставь на все!

*

Стол — самим на удивленье,
Словно это складчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копченье —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский китель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

— Дорогие граждане,
Поздравляем каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!
Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали,
Только бы разбить врага!..

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
— Да хлебните ж хоть для виду
С холодка окрошки!..

Задуманная беседа
Не вином хмельна была.
— Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла.

1946

БЕРЕЗЫ

Росли белые березы
На краю земли,
Не сломили их морозы,
Грозы не сожгли.

К небу ясному тянулись
Всей своей листвою..
Лишь от слез людских согнулись
До земли сырой.

Пришел враг из-за моря —
Свет заволокло,
Пришел враг — пришло горе,
До берез дошло.

На одной, когда вершину
Месяц осветил,
Немцы парня порешили —
Русский парень был.

На другой, чтоб всю округу
Оторопь взяла,
Вскинули его подругу —
Русская была.

Скоро врагов прогнали,—
Им конец один,
Но березы не подняли
Сгорбленных вершин.

Не легко им разогнуться
И встряхнуть листву:
Дождь идет
И слезы льются
С веток на траву.

1943—1959

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров,— скорей канаву

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста —
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа —
Не коси, ломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесь,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла,
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

1943

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть
может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом?

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоём сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты...
И твои сыны
Крепостью родины будут вовеки.

1946

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни страдать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись, степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков
услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало
мило —

Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц
в бору...

И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

РОМАНТИКИ

НАХОДКА

Бухта Находка.
Зеленый туман.
Берег местами дикий.
Бухта...
И все-таки океан,
И даже Великий.

Перед рассветом прилив у ног.
Дня зарождение мудро:
Первый проблеск,
Первый намек,
Но это уже утро.

Город возник из планов и *смет,—
Как он волнующе молод! —
Десять каких-то неполных лет,
Но это уже город.

Краны, как вышки, и корабли.
В скалах слои косые...
Мы — на краю,
У начала земли,
Но это уже Россия!

1959

ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Еще ни домов, ни оград —
Валежник да ягодник топкий,
Глухая тайга, а не сад,
Не улицы — тропки.

И просека только одна.
Зато и людьми и проектом
Уже названа она
Ленинским проспектом.

Прямой, устремленный в мир
Из хвойных трущоб,
К восходу,
Он — верный ориентир
Попавшему в непогоду.

Он словно начало начал,
Сродни фронтовым дорогам,
Для всех строителей стал
Больших перемен залогом.

Пусть города еще нет —
Не за горами сроки:
Уже освещен
Широкий
Ленинский проспект.

1960

ПЕРВЫЕ СТИХИ

— Начинайте!— приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен
рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В глубину прохладного суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганые птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник — сам себе на удивленье —
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парежь не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

1951

РОМАНТИК

Юноша, окончив ФЗУ,
Получил на Волгу направление.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
— Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот,
И уже — на стройку коммунизма!..

Берег в грузах, да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел как с самолета.

Думал сразу бригадиром стать...
Дали парню самое простое:
Глину рыть да кирпичи таскать,—
Как везде, жилье сначала строить.

Комары, камыш береговой...
Первый тракт в лесах едва проторен.
А хотелось написать домой
О дворцах,
 о чудесах,
 о море.

Будет все!
Но нет терпенья ждать.
И в обед, устроившись под елкой,
Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Раздались седые Жигули,
Раскаленная вода клокочет,
Дня уже не отличить от ночи,
Вздыбленного неба от земли...
Он иначе и писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблестало,
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, хлопец в дни войны
Видит героические сны
И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин сообщает,
Что все дни в походах,
Жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

1951

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в проруби.
Одна
Девушка ведет промерку дна.

Ей кричит чернявый:
— Героиня!
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней! —
Героиней окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкой стоит.

Валенки, платок и полушубок,
Даже брови снег запорошил.
Пальцы пижут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

С грохотом подходят самосвалы.
Как не рухнет под такими лед?!
Только ведь водители — бывалый,
Смелый и выносливый народ.

Сколько есть таких на гидрострое —
Знатных, знаменитых, боевых!
Вот они действительно герои,
Счастье просто посмотреть на них.

Все они со стажем и умением.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,
С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Что-то в свой блокнотик записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах —
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно. Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться..
Ну, а ей-то можно или нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

ПЛОТНИК

Для начала рассвело
Где-то в небе, на вершинах,
На высотах на орлиных,
В скалах ломких, как стекло,
А потом уже в долинах,
В рощах, в селах —
И пошло!

С ветерком откинув тень,
Улыбнулась солнцу Волга,
На строительстве поселка
Начался рабочий день.

Старый плотник принимал
Для бригады пополнение.
— Покажи-ка назначенье.
Что ты, братец, ростом мал?
Говоришь, прошел ученье?
Говоришь, на «пять» сдавал?
Поглядим...
Откуда вы?

И, поднявшись с места, трое
К старику шагнули строем.
— С Дона!
— С Камы!
— Из Москвы!
— Стало быть, со всех концов.
Что ж, проверим молодых.

— Есть еще в конторе друг,—
Досказал один с тревогой,—
Задержался по дороге...—
У ребят в глазах испуг:
Знатный плотник смотрит строго—
Не принять ведь может вдруг!..

И ребята говорят,
Что они теперь назад
Не вернутся. Есть причина:
Им сама страна вручила
На строительство наряд.

Бригадир отвел глаза,
Чтобы не расхохотаться:
— Значит, вас, ребята-братцы,
Не принять уже нельзя?!

Да и то — в далекий путь,
На такие новостройки,
К нам не шлют кого-нибудь!
Видно, вы из самых стойких.

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдёте, покажу
Ваше место на планете.

И гурьбой они пошли
По тропинке вдоль опушки.

Груды вынудой земли,
Бревна, балки,
Доски, стружки,
Стрелы кранов вдалеке,
Жигули в цветном просторе,
Пароходы на реке,
Там, где скоро будет море.

Берегов крутой отвес...
И — как чудо из чудес —
В лязге, в выхлопах моторов,
Там, где скоро будет город,
Лес шумит,
Сосновый лес.

На холме у круглых пил
Захотелось задержаться.
— Каково, ребята-братцы? —
Новичков старик спросил.

И, как будто распахнул
В голубое небо двери,
Показал им на сосну,
Глазом всю зараз обмерил
В вышину и в ширину.

Свежих запахов полна,
Птиц звенящих, солнца, ветра,
Может, на полкилометра
В небо вскинулась она.
— Это что стоит?
— Сосна.

— Верно! В нашем деле мать.
Если ты с душой, художник
И умелец, так сказать,
Из сосны все сделать можно.
Это надо понимать!

Тридцать лет я с ней дружу,
Не могу налюбоваться.
Вот о чем, ребята-братцы,
Для начала вам скажу.

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

У седого в бороде
Снова хитрая усмешка.
— Ну, начнем, не будем
мешкать,
Топоры-то ваши где?

Значит, нету топоров,
Растеряли по дороге...
Новички опять в тревоге:
Ведь не примет, будь здоров!

— Или, может, вы рубить
Электричеством хотите?
Как же с вами, братцы, быть?
А учились, говорите!

Видно, что не у меня.
Ну, теперь глядите в оба!
Будет вам сначала проба,
От сегодняшнего дня
Начинается учеба.

1951

ВЗРЫВ

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лишь где-то очень далеко,
За линией хвойных круч,
Затеплился свет
Намеком
На первый солнечный луч.

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистой и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь,—
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,
В таких ли горах!

Однако
Уже не первую ночь,
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть невмочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,
Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни.

И что впереди саперов
К подножью издалека
Примчат из кино репортеры
На крытых грузовиках.

И вот над леском сосновым
Луч солнечный засиял,
Вот подал старшой —
Не словом,
А взмахом руки — сигнал.

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора...
Не выдержав напряженья,
Вскричали друзья:
— Ура!

— Ура! — закричали рядом
Шоферы, подрывники,
Как будто под Сталинградом,
Когда бросались в штыки.

— Ура! — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам;
— Ура! — пронеслось над
Волгой,

За Волгой
И по лесам.

И верилось, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

1951

ЛОЦМАН

Еще не скоро ледоход,
Хотя синеет лед,
Еще не скоро проплывет
С верховьев первый плот.

И далеко до той поры,
Когда взбурлят яры
И станут поднимать пары
В затоне у горы.

Еще не мало ждать, пока
В бетонные бока
Упрется матушка-река,
Как море широка.

Ждать речникам невоготу:
По суткам — на посту,
На пароходах и в порту
Наводят чистоту.

И лоцман пополнения вод,
Как возрождения, ждет:

«Ведь это значит — поворот
Всей жизни настает.

Мы любим Волгу с давних пор
И даль лугов и гор,
Но все-таки морской простор —
Особый разговор!

Размах не тот, что у реки...
И вот мы, речники,
Выходим сразу в моряки,
Нам все теперь с руки».

Путру он, еще темно,
Уж на ногах давно,
Спешит с прорабом заодно
На будущее дно.

Не вылезая из бахил,
Весною лоцман жил:
Все дно не просто изучил —
Излазил, исходил.

Весной поднимется вода
Отныне навсегда.
Со всех пяти морей сюда
Начнут ходить суда.

И пусть не станет солона
Морская глубина,
Но трехметровая волна
И здесь шуметь должна.

1951

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Все же навестить бы паренька,

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове недолго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗУ — еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он — в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?..

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.
— Вы кто ему?
— Родитель.
— У него сегодня выходной.
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка —
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо,
С виду стал постарше...
— Так в каких же ты чинах теперь? —
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек,
Можно только гостем заниматься.
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал, —
Лучше не придумаешь. подарка! —
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет —
Потолочный и горизонтальный.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жинке было невдомек,
Что такое вдруг случилось:
Очень смирный муженек,
А, скажите вот на милость,
Размахнулся — спасу нет:
И статьи о нем в газете,
И плакаты, и портрет,
И кино,
И все на свете.

Не гадала, не ждала,—
Удивительны дела!

Выдвигают в бригадиры,
Выбирают в горсовет...
Только вот своей квартиры,
Настоящей, нет как нет.

И жена исподтишка
Допекала муженька:

— Всем построил — нам не смог.
Иль плохой работник?
Иль сапожник без сапог,
Без квартиры плотник,
Как бывало в старину?
Слушать даже странно...

Кто откажет Бурмину?
Ждал он комнату одну,
Дали три, да с ванной.
В окнах свет со всех сторон,
Солнце не уходит,
Есть и садик, и балкон,
Все — лицом к природе.
А с балкона, как с горы,
Взгляд в просторах тонет,
Степь, плотина и яры —
Все как на ладони.

Переехали.
Жене
Все понравилось вполне.
Только мужу дом не в дом...
Сердце жинки чует:
О строительстве другом
Каменщик тоскует.

Он не долго тосковал —
На Амур путевку взял.
Ну, жена, конечно, — в бой:
То ворчит весь день, то плачет,

Говорит, что не иначе...
Ты смеешься надо мной.

Но в дорогу собралась:
Муж смирен,
А все же — власть.

«Власть» молчит себе да курит,
Не желает в спор вступать...
В Комсомольске-на-Амуре
Повторилось все опять.

Снова каменщик гремел.
Слава, слава бригадиру!
Здесь он в новую квартиру
И въезжать не захотел.
Укатил Бурмин с женой
На объект на номерной.

А потом другой объект...
Строилась Страна Советов:
Было ль где-нибудь на свете
Сразу столько строек?
Нет!

Видно, эта смена мест
Бурмину пришлось по нраву:
Кончит стройку — и в отъезд,
Хочет видеть всю державу...

И не вспомнятся теперь
Дни семейного скандала,
Как жена, захлопнув дверь,
На строителя кричала:

— Не желаю кочевать!
Разве я семье квартиру

Не могу сама достать?
Будешь кладке обучать...

Так пришли супруги к миру.

Много лет прошло с тех пор...
Бригадир на первый случай
Показал своей подручной,
Как замешивать раствор,
Как его на кельму брать,
Как стоять, — чтоб тоже знала.
Месяц, два — и жинка стала
Мастерство перенимать.

Каменщика Бурмина
Ныне знает вся страна.
Да не меньше и жену
За работу прославляют:
Широко на Волге знают
Каменщика Бурмину.

На высотах расписных,
Где, как мачты, бор сосновый,
Две бригады Бурминых
Воздвигают город новый.
Скоро будут заселять
Корпус «Д»;
Вокруг газоны
И скамейки для влюбленных,
Клумбы — парковым под стать,
Даже свет — и тот зеленый.

— Ну, осядем, что ли, здесь? —
Как-то муж спросил.— Желаеть?
— Да не плохо бы осеть...
— В чем же дело? Ты решаешь!
Нам, того гляди, дадут
Нынче две квартиры сразу,
Да на выбор, по заказу —
Оба все же на виду...

И, лукава, озорна,
Засмеялась Бурмина:
— Искушаешь бригадира?
Мне квартира не нужна.
Есть уже,
И не одна:
Что ни город — то квартира.
В каждой кто-нибудь живет;
Но, чужие ли, свои ли,
Лишь бы только с пользой жили,—
Всё советский, наш народ.

Ну, а мы достроим здесь
И уйдем,—
Страна большая,
Планов столько, что не счесть...
— Вон ты, женушка, какая
У меня!
— Какая есть!

1951

ПИСЬМО РОДИТЕЛЕЙ

Из-под Чистополя на Волгу
Поступило письмо парторгу:

«Дорогой товарищ Суфтин!
Извините за беспокойство.
К вам с докукою стариковской
О сынке — он у нас один.

На участке взрывных работ
Под опекой партийной вашей
Николай Колонков живет,—
Мы его папаша с мамашей.

Кончив школу прошлой весной,
Попросил он, чтоб к вам послали.
Мы ему перечить не стали,
Поезжай, мол, сыночек, строй!

Посмотри на больших людей
И себя покажи, как должно.
А самим, конечно, тревожно:
Не бывал ведь еще нигде.

И теперь вот письмо пришло.
Пишет Коля на три странички,
Что и трудно, и тяжело,
Да и холодно с непривычки,

Что театра нет под рукой,
Только камни да берег белый...
Где уж тут старикам покой —
Вся душа у нас изболела.

Бьем, товарищ, поклон земной
И хотим на вас положиться:
Как бы Коле не осрамиться,
Как бы он не сбежал, дурной!

Мы в былые-то времена
О театрах не помышляли.
Ныне, видишь, какие стали:
Дай им сразу все да сполна...

Посулите: весной к нему
Сами выберемся...
С приветом!»

Улыбнулся парторг письму
И направил в ответ газету.

А в газете Колин портрет
И статья о героях стройки.

Может, сын и тоскует,
Только
Волноваться причины нет.

А что было — давно прошло,
И о том вспоминать грешно.

1951

БОГАТЫРЬ

За гостем нужен глаз да глаз,
Но гость неуловим —
Исчез из глаз,
А дан приказ:
Беречь его,
Следить за ним.
Растаял, словно дым.

С утра на стройке гул стоит,
Машин считай — не счесть,
Везут бетон,
Грызут гранит...
А гостю семь десятков есть,
Еще задавят здесь.

В цветах и в травах лишь вчера
Пестрели берега,
Сегодня вздыбилась гора,
Как террикон близ рудника,
Почти под облака.

И гость, задрав кадык смешной,
Как будто напоказ,
Торчит над самой крутизной,
Торчит, наверно, целый час,
С ковша не сводит глаз.

Песок на шляпе, на плечах,
Песок на сапогах.
— Отец! — механики кричат.—
Сдай от греха на три шага!
Аль жизнь не дорога?

А он — вперед.
— Куда ты прешь?!

А он — до них:
— Ну, как?
Черпак-то, кажется, хорош?
— «Черпак»? Да сам гляди, чужак,
Башка твоя черпак.

Старик обид не ставит в счет,
Усмешка по лицу:
— Выходит, честь мне и почет?
А вы с претензией к отцу
И «чудака» к словцу...

Сам бригадир сорвал тотчас
Кепчонку с головы.
— Простите!..
Не узнали вас... —
Он сразу перешел на «вы»,—
Вы, значит, из Москвы?

Максим Петрович?
— Точно так!
— Так нам ли вас не знать!
Черпак ваш — чудо, не черпак,
Ды вы и сами, так сказать,
Богатырю под стать.

В честь гостя тотчас все ковши
Отвесили поклон,
Механики с других машин
К нему бегут,
И вот уж он
На плечи водружен.

Не подоспей парторг в тот миг
К богатырю,
Как раз
Из сил бы выбился старик:
Качать взялись...
А был приказ
Беречь его
И ни на час
Не упускать из глаз.

1959

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, сверит, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,
Вскипятила чайник и по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты вслух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех живущих в Марквашах
День и ночь,
С рассвета до рассвета
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется, на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной...

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая.
— Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...
— Знаю!
— Петр Петрович, замуж выхожу.

— Знаю все. Недалеко до свадьбы?
— Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы,
А решиться как-то нелегко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души.
И на веки вечные
Полюбили Маркваша,
Стужи, ветры встречные,

Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки
Светлые, сердечные.

* * *

Над горою Лысою восход,
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поля выходной —
Начала со всеми собираться:
Просто ни минуты ни одной
Не могла без дела оставаться.

Видит все как будто в первый раз —
Берег, небо, вышки, краны, трубы...
Все счастливо радовало глаз.
Задубели пальцы, стыли губы,
Вот прихватит щеки...

А она
Только больше пела да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

1951

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

По поселку в выходной
Шли под ручку муж с женой,
У нее вся грудь в медалях,
А у мужа ни одной.

Отовсюду: «Что такое!?» —
Восклицания слышны.
За сословие мужское
Стар и млад оскорблены.

— Что ж ты, брат Фома-Ерема,
Женка верх во всем берет!
Уж сидел бы лучше дома,
Не казался на народ.

Ребятишки зубы точат,
Просто ходу не дают,
Старики и те хохочут,
Чуть поддайся — засмеют.

— Постыдись! — шумят одни.—
Поскорей домой сверни!
— Подтянись! — кричат другие. —
Не срами своей родни!

И, до смерти смущена,
Тычет мужа в бок жена:
— Я ль тебе не говорила,
Надевал бы ордена!

Но резон у мужа свой.
Шепчет:
— Тихо, Катерина!
Так нагляднее картина,
Пусть любуются тобой!..

1951

СТЕПНОЕ МОРЕ

Вода из Дона вышла на подъем
По мощным трубам,
И в степном просторе,
За дамбою, образовалось море,
Запело, заходило ходуном.

Уже волну нельзя сравнить с донской,
Она гудит, под ветром нарастая,
И хоть вода по-прежнему донская,
Но вид и норы у нее морской.

Как небо голубое, широка,
Игрой ее нельзя налюбоваться.
Окраина степного хуторка
Отныне стала набережной зваться.

Взглянув на море, инженер затих,
Завороженный красотой природы:
В сухую степь продвинув эти воды,
Он сам дивится делу рук своих.

1952

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже заканчивалась работа,
Над башней победно зажглась звезда,
Уже в заградительные ворота
Стучала мутной волной вода.

В железобетонной камере шлюза
Уже зачистили дно с утра,
Остатки всякого лома и груза
Кран торопливо нес на-гора.

Не раз у створа в верхнем канале
На глубину ходил водолаз.
А мы почти дышать перестали,
С командного пункта не сводим глаз.

И вот над мостиком,
Над парашетом,
Как светлая музыка разнеслась
Призывно и громко:
«Открыть клинкеты!»
И полилась вода, полилась.

Пошла, голубушка, закипела!
В решетке гасителя бился вал,
Разгоряченный,
И белый-белый,
И загудел весь шлюз, как Дарьял.

Казалось, к ногам строителей шлюза
Потоком пенистым с высоты
Летели из всех уголков Союза
Цветы черемух,
Яблонь цветы.

А той порой из-за поворота,
От Дона,
Где морем стала вода,
Уже подтянулись к входным воротам
И в очередь выстроились суда.

1952

НА ПЕРЕДОВОЙ

Пути утвердив прямые,
Как в годы большой войны,
Идет на передовые
Искусство нашей страны.

Приехал на гидроузел
К строителям
 в первый раз
Народный артист Союза,
Прославленный русский бас.

Встречали его всем миром,
Невесть где цветов нашли,
А первым делом квартиру
Спокойную отвели,

Чтоб шум никакой снаружи
До гостя не долетал:
Покой для артиста нужен,
Наверно, в пути устал.

И удивлялись немало
Тому, что, сдав чемодан,
Немедленно пожелал он
На стройку, на котлован.

Из туч начинало капать,
А он зашагал к реке:
В руке широкая шляпа,
Пальто на другой руке.

Спешит к бетонным заводам,
К машинам-богатырям,
К змеящимся пульповодам,—
Все хочет увидеть сам.

Казалось, что по ухабам
Не ноги его несут.
Он мог сойти за прораба,
Вся жизнь которого — тут.

Когда, заслонясь от ветра,
Взошел на плотину гость
И сердце по трассе светлой
В открытую степь рвалось —

Над стройкой, над шумным фронтом,
Сверкая, дымясь, пыля,
Раздвинулись горизонты
И песней стала земля.

Лишь перед самым закатом
На сером донском лугу
Промолвил гость провожатым:
«Сейчас выступать могу!»

Уже заждались артиста
Водители, мастера,
Бетонщики, скреперисты,
Уже начинать пора.

И вот, как гром в поднебесье,
Взвилась, покоря сердца,
Родная русская песня
Без края и без конца.

Один ли наш гидроузел
Раздольной песне внимал?
Для мощного баса узок
Дощатого клуба зал.

На стройках Москвы, на Урале,
За Вологдой и в Крыму,
В горах, в лесах подпевали
Строители ему.

Раскатистый, многокрылый,
Широк, как девятый вал,
Он множил людские силы
И к новым свершеньям звал.

1951

В АЛТАЙСКОЙ СТЕПИ

Вся степь — колхозный ток.
Скирды, скирды вокруг —
На север, на восток,
На запад и на юг.

Комбайны на току —
Что ульи на лугу:
Над каждым, словно рой,
Половы столб живой.

Колосьям нет цены —
Они крупны, плотны,
Как те, что в герб страны
Пучками вплетены.

Когда в степи восход,
Вся в золоте она —
Не сосчитать подвод
Отборного зерна.

1946

* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, среди лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа.

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

* * *

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстоянья,
И от этого сиянья
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной
Млечный Путь на землю лег.
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намек,
А уж на сердце тепло.

1957

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Сошли снега.
В степи весенней
Стихал заметно шум воды.
На новых землях с нетерпением
Мы ждали первой борозды.

А первой не было,
И многим
День показался слишком прост:
Без напряженья от дороги
Взял трактор сразу пять борозд.

1955

АЛТАЙСКАЯ ВЕСНА

Весь май с погодой неполадки.
В колючем инее стволы,
И по околкам куропатки
Еще по-зимнему белы.

Прогноза верного
на сутки —

И то не дашь,
У всех просчет:
Поналетели с юга утки,
А в камышах озерных лед.

Пригреет днем.
Поутру снова
Свежо,
В морозной дымке ширь.
Вот и украинская мова,
И степь...
А все-таки Сибирь.

Погоды ждать не стали люди.
Но в День Победы, как назло,

Буран хлестнул из всех орудий,
И землю снова замело.

На редкость даже для Алтая
Такая трудная весна,
Из сроков вышла посевная:
То грязь, то почва холодна.

Ребята часто балагурят,
Не прочь порою песню спеть,
Но с каждым часом больше курят,
Чтобы усталость одолеть.

И новички, во все вникая,
Работают, ночей не спят.
— Пускай все сразу испытаем,
Лишь крепче будем! — говорят.

— Снесем любую непогоду,
Узнаем в схватке с целиной,
Как достается хлеб народу,
Каким трудом,
Какой ценой.

1954

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКІ

Быть может, бор здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Как на кругу, в сырой ложбинке
Иль на припеке близ реки
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колкáми эти рощи,
Околочками.
Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб все в степях Алтая,
Особенное с давних пор,—
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

И песни, полные значенья,—
Все стало так же для меня
Не требующим разъясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

1954

* * *

Снег наконец сошел на нет,
Вода в степных логах запела,
Земля раскрылась,
Потеплела,
И небо изменило цвет.

Испытаны, подновлены,
С зарей в бескрайние просторы
Стальные двинулись моторы —
Передовой отряд весны.

Еще посевы не взошли,
Еще трава не зеленеет,
А кажется, что от земли
Уже пшеницей свежей веет;

А кажется — тучней стада,
Добротней стали наши села,
Пригнулись яблони в садах...
Грузовики и поезда
Увозят в степи новоселов.

И жаворонки в вышине
Поют, не складывая крыльев...
Все предвещает изобилье,
Счастливый, хлебный год стране.

1954

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка песню, что ли, для начала:
«Степь да степь кругом...»
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала.
Степь вокруг без края, без конца.

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко.
У девчонки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы.
Чемоданы сложены у ног.
Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Все казалось новым, незнакомым,
Сизой дымкой даль заволокло,
А запели песню — и как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...»
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Вологжанин с круглым говорком.

Поначалу глухо и несмело,
Но когда взялись сибиряки,
Песня окрылилась, полетела
Вширь и вдаль,
По берегу реки,

По-над рощей, в небо голубое,
В холодком подернутую высь.
Захватила песня все живое —
Из села гудки отозвались,

Зашумели гуси по озерам,
И на посевные рубежи
Издалека двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит...

Спели песню, словно побратались,
Поднялись — уже одна семья,
Зашумели и заулыбались:
— Вот и познакомились, друзья!

1954

В НОЧНУЮ СМЕНУ

Подрагивая от натуги,
Ломают плуги целину.
Сидят на сцепе две подруги,
«Москвичкою» зовут одну.

То снег летит, то дождик мочит,—
Весна давно, а нет тепла,
Бывает, хоть реви, нет мочи,
А ничего,
Идут дела!

Перед зарей на травах иней,
Полынь, куда ни кинешь взгляд.
Под стылым ветром,
Не в кабине,
Согнувшись, девушки сидят.

Обеим кажется порою,
Что не пласты, не целина,
А море бьет у ног прибором,
Что за волной идет волна.

Подружке Вале все в привычку,
Но Валю тоже клонит сон,
Ну, а Наташеньку, москвичку,
Вот-вот с прицепа свалит он.

Но обернется Валя, взглянет —
И от тепла в глазах ее
Москвичке сразу легче станет
И сразу схлынет забытье,

И сразу выпрямятся плечи, —
Вдвоем все можно перевозмочь!
Ей так же хочется, чтоб легче
Для Вали стала эта ночь.

И, напрягаясь, что есть силы,
Кричит Наташа:
— В добрый час!
Мы не такое выносили!..
Так повторял отец не раз.

1954

ВАГОН В СТЕПИ

Евгению Евтушенко

Давно не крутятся колеса, —
Да просто нет под ним колес.
По буфера в цветах и в росах,
Вагон в сырую землю врос.

Хоть и кривой и неказистый,
Не парусина все же — дом.
Прицепщики и трактористы
Живут с весны до стужи в нем.

Рассохлись полки, стены тонки,
А все ж оседлость налицо,
Уж не купе, а комнатенки.
Уже не тамбур, а крыльцо.

Что сохранилось от чугушки?
Вагон закончил свой маршрут.
Поутру яйца в гнезда-лунки
Несушки под полом кладут.

На крыше радиоантенна,
Веревка с вымытым бельем.
По вечерам самозабвенно
Поет гармошка под окном.

Но, свыкшись с новым назначеньем,
Вагон на свежем ветерке
Весь в напряженье, весь в движенье,
На службе, а не в тупике.

Опять вдали огонь зеленый,
Мелькает в окнах тот же дым
И фары тракторной колонны,
Как семафоры, перед ним.

Его, как раньше, сотрясает
Неугомонный топот ног.
Он ни на час не покидает
Родной земли больших дорог.

1955—1956

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу! —
Ей шепнули:
— Все одно!

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

Взял и сунул под пиджак
Да еще нахмурил брови,
Словно выпил натошак,
Словно все ему не так
Да не внове.

— Приколоть медаль-то надо! —
Зашептали деду все, —
Аль не по сердцу награда? —
Но старик не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,—
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И вниманья,
И почета,
Но такого поворота
Не случилось на веку.
В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взглядевшись в полутьму, —
По всему, из-за медали —
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил,
Заодно и вам почет.

Я гляжу, на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!.. —
И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал, хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал,
И для каждой хоть немного,
Хоть два слова, да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
— Признаешь теперь, сынок?

Напоследок ярового
Всём засыпал.
— Ешьте всыть!
Чур, меня не подводить,
Поутру за дело снова —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!

1947

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой прохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стучаются лбом.

Вода в Катунь рвет и мечет,
Но кажется — она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.
На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугой зажжет —
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч,
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.
И все, кого застал в дороге
Вмиг налетевший холодок,
Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели хлынет град?
И нечем
Его налет остановить?
Опять он, все вокруг калеча,
Начнет косою картечью бить?..

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная ширь полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом,
И вздох людской был как мольба:
— Ах, только не было бы града ---
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!

1954

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки,
Тронешь березку — она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонечку,
По серебрянке.

Дождь по пшеничному полю пронесся ---
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело.
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

1955

В РОДНОМ ДОМУ

Наконец-то есть диплом.
До свиданья, город!
Скоро, скоро отчий дом,
Степи да озера.

Нина всей родне своей
Сообщила: — Еду! —
Председатель подал ей
К поезду «Победу».

Уважительный шофер,
Овладев вниманьем,
С ходу начал разговор
Про образование.

Дескать, вы теперь вольны
Выбирать дорогу...
А у нас тут целины
Объявилось много,

И осесть в своем дому`
Можно в лучшем виде...

Нина молвила ему:
— Поживем — увидим!

Легкий шарфик за спиной
Треплет встречный ветер.
Ну конечно, дом родной —
Он один на свете.

Вот промчались по овсу
Вдоль лесных опушек,
И как будто на носу
Прибыло веснушек.

До чего же хороши
Уродились травы,
Конопля — что камыши,
И ячмень на славу.

Окупился труд людской
Чудо — не пшеница.
Право, в ноги бы такой
Надо поклониться.

И, волненья не тая,
Нина попросила:
— Не спешите!
Здесь моя
Юность проходила.

Стойте!
Здесь вот, у реки,
В роще этой самой
Я грибы-боровики
Собирала с мамой.

Не в машине с вихорьком
Проезжала мимо,
А бродила босиком
По земле любимой.

Взяли с маху косогор
И остановились.
— Стало быть, — сказал шофер, —
Вы не загордились,

И родимые места
Не забылись вроде:
Снова наша красота
До сердца доходит.

Тут любые профиля
Требуются ныне... —
И опять — поля, поля
В дымке светло-синей.

Дома, видно, заждались.
Мать, конечно, в слезы.
Одногодки собрались
Со всего колхоза.

Разузнать охота всем,
А спросить неловко:
В отпуск Нина, аль совсем,
Аль в командировку?

Подступают, кто смелей,
К делу осторожно:
Нынче жить и на селе
При желанье можно.

Намекают: дай ответ,
Никуда не деться.
— Разве ж я сказала «нет»?
Дайте осмотреться!

Сдернув кожаный картуз,
Входит предправленья.
— Ну, спасибо вам за вуз
От всего селенья.

Подоспели в самый раз,
Поддержали славно.
Вы четвертая у нас,
Нина Николавна.

Пусть колхоз не знаменит,
Кое в чем отсталый,
Но в ученых дефицит
У самих немалый.

Мы вас ждали столько лет... —
И не скрыл сомненья:—
Жаль, конечно, если нет
Нужного решенья!

Самовар уже кипит.
Ставит мать стаканы,
То на дочку поглядит,
То на чемоданы.

И защелки и ремни —
Видная работа...

— Ты уж, Нина, не тяни,
Покажи, чего там?

Дочь, во всем себя вина,
Шепчет по секрету:
— Кроме книжек, у меня
Ничего там нету,
Уж прости!..

— Да свет ты мой, —
Старая смутилась. —
Хорошо, что вот домой
Сразу воротилась.

Разве ж в город отпущу —
Что они там судят?!
Вот блинками угощу —
И решенье будет.

1956

ПШЕНИЦА

Что за пшеница,
Нельзя надивиться!
Как раскустилась,
Уже колосится!

В степь на восходе
Люди выходят —
Светятся лица:
— Что за пшеница!

Доброй работой
Не грех похвалиться.
Дед разошелся —
Не остановиться.

Стала молодница
Опять молодиться:
В поле что праздник —
Как не нарядиться!

Парню-новоселу
Шепчет пшеница:
Самое время
Нынче жениться.

Хочется со всеми
Счастьем поделиться,
Чтобы узнала
И наша столица.

Слушай столица,
Слушай, родная,
Какая пшеница
Растет на Алтае!

Нашей пшеницей
И солнце гордится,
Вечер настанет —
Не хочет садиться.

Вечер настанет —
Людям не спится:
Все ли готово?
Скоро косовица.

Скоро косовица.
Хороша пшеница!
Будут от хлеба
Амбары ломиться.

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Где повидать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздь рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка дорога! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

ДВА УРОЖАЯ

Трибуна хоть не высока,
А всей стране видна.
Мнет женщина концы платка,
Волнуется она.

Расскажет, если начала,
Про все житье-бытье:
Как обязательство брала
И как природа подвела
В прошедший год ее.

— С весны заладили дожди,
Ну, просто спасу нет,
К посевам лучше не ходи —
В глазах мутился свет.

А после — сушь,
Да заодно
Пыль, неба не видать.
Какое тут льноволокно —
Семян не оправдать!..
Но слово родине дано,

И я решила:
Все равно
Должна его сдержать.

По двадцать центнеров на круг
С гектара дать должна.
Я собрала своих подруг —
Артель у нас дружна!

Решили воду подвести.
Старались, как могли,
Чтоб лен от засухи спасти...
И все же больше десяти
Не взяли от земли.

Ох, пораженья горек час!
Едва не заплакала глаз —
Слеза-то солона.
А люди утешали нас:
Не ваша, мол, вина.

Природой, дескать, все давно,
Как ты ни бейся, решено —
Упрямая она.
«Все верно, — думала я, — но
Ведь обещание дано,
Я устоять должна...»

Она поправила цветной
Платок,
Что падал с плеч,
Утерлась, словно в зале зной,
И продолжала речь:

— Наука в помощь к нам пришла —
Районный агроном.
Сказал он:
«Выправим дела.
Погодка, верно, подвела,
Но мы свое возьмем.

Свое, сказал, возьмем всегда!
Хоть сроки коротки,
Но не бояться ж нам труда,
Ведь мы большевики!..»

А я, по правде, никогда
Партийной не была,
Но слово все-таки дала,
И в слове я тверда.

«Сей, говорит, еще!»
И мы
Взялись за сев опять.
Два урожая до зимы
Задумали собрать.

Добротней первого сняла
Я новый лен с полей.
Природа тоже поняла,
С кем надо ладить ей.

Взгляните вот на волокно:
Что шелковая — прядь.
Раз слово родине дано,
То это слово быть должно
Ее делам под стать!

НОВОСЕЛЬЕ

Выстроились в несколько рядков
Сборные совхозные дома.
И как ветром унесло палатки.
Что ж, теперь пускай метет зима!

Ранним утром по тропинке тряской
В светлую квартиру перешел
Со своей плетеною коляской
В полном смысле первый новосел.

Вслед за ним, собрав свои пожитки —
Одеяла, книги, рюкзаки, —
Не скрывая радости, к калитке
Подошли дружки-холостяки.

Подошли и, заслонясь от ветра,
Осмотрелись, словно им сейчас
Все, что было сделано за лето,
Довелось увидеть в первый раз.

Не одно жилье в степи вчерашней,
Не одни дома возведены,
Два зернохранилища — две башни —
Свежим хлебом доверху полны.

Пусть, пока не выровнена площадь,
Саженьцы дрожат на холоду,
Но взялись — и, значит, будет роща,
Будет пруд
И караси в пруду.

Вспомнили товарищи при этом,
Сколько слов недобрых, свысока
Бросили строителям за лето,
Сколько было писано в газеты,
Сколько жалоб послано в ЦК.

А теперь дивились новоселы
Улице, дорогам...
Мудрено,
Как за лето за одно поселок
Вырос здесь —
За лето за одно!

И старшой, окидывая взглядом
Эти сердцу близкие края,
Молвил:
— В «Правду» написать бы надо.
Славно поработали, друзья!

1954

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит,
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сторбили века —
По купола в земле.
А он с осанкой маяка
И входит — солнцем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет он
Поток машин, подвод —
А поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне?
Немало крепостей в стране,
И он — одна из них.

1946

ОЩУЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Зима. Морозы. Новый год.
А в сердце крепнет ощущение
Весны с ее преображеньем
И неумолчным шумом вод.

Все толще, все прочнее лед,
А пароходы Волго-Дона
Уже покрашены в затонах,
Как будто завтра же в поход.

В колхозы, в МТС страна
Шлет молодое пополненье.
Такое в селах оживленье,
Как будто завтра же весна.

В дни самых лютых непогод
Мы помним о страде весенней.
Весны могучей наступленье
Во всех делах страны живет.

За новым годом новый год,
Как за весной весна придет.
Все наши чаянья свершатся,
Об этом знаем наперед!

1953

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

С рюкзаком шагать в густом лесу
Хорошо дорогой проторенной,
Не боишься, что сучок зеленый
Невзначай ударит по лицу.

Хорошо размяться на бегу,
Если лыжи на следу готовом,
Вспоминая благодарным словом
Всех, пробивших этот путь в снегу.

И пахать легко, когда мягка
Жирная земля да крупяная,
Ни пенька вокруг, ни корешка,
Трактора гудят, не уставая.

Хорошо, коль дело на ходу,
Дом обжит, станок в цеху налажен...
Но ведь кем-то должен быть посажен
Первый, слабый черенок в саду.

Есть в сердцах пытливых и отважных
Непреборимая мечта —
Воду дать земле сухой от жажды,
Жизнь вдохнуть в пустынные места.

Журавли — и те на трассе звездной
Клином пробиваются вперед,
Головной раскачивает воздух,
Облегчая для других полет.

Не о хлебе об одном мечтаем,
С холодов заботясь о весне.
Всей земле дорогу пробиваем,
Первые идем по целине.

1955

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

В СОРОК ЛЕТ

Вот и сорок годов пробило,
А все мнится наедине,
Что пока настоящей милой
Повстречать не случилось мне.

Все еще беспокойно спится,
И на сердце не тишь да гладь,
А порою такое снится,
Что и в сказке не рассказать.

Как мальчишка, к чужим воротам
За случайной звездой бреду —
Все еще надеюсь на что-то
И какого-то счастья жду.

Вдруг отыщется, вдруг привалит,
Хлынет счастье через края...
Скажет:
— Вы обо мне мечтали?
Принимайте ж,
Вот оно — я!

1955

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Елене Первенцевой

1

Как целина в цветах весны,
Как берег моря в белой пене,—
Все адреса земли полны
Моиими письмами к Елене.

Пусть эти письма не дойдут —
Ты все равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

1936

2

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины —
Берега кипят,

И вода шестибалльного роста
Обдаёт с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней пронзбит насквозь,
Свет морской пронизет все тело,
Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
Или радостный — не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума
Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала,
Ни в пади
Вологодских трущоб —
Никуда!

Так — от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936

3

Ласточка, от ястреба спасаясь,
Занеслась неведомо куда.
И, со свистом воздух рассекая,
Целый день вилась над полем стая,
Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
Ночь настанет — ласточка одна.

Землю обволакивает сырость,
Черных туч кругом нагромоздилось...
Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
Только в небе ласточки снуют...

А в каком краю моя родная?
Где ты, маленькая, молодая,
Приклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору?
Грянет гром над лесом,
Хлынет дождь...
Не метнулась бы в чужую нору.
Почему моя тебе не впору?
Разве я на ястреба похож?

Сумерки.
Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

1939

4

День ли, ночь ли — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить о том,
Как она доверчиво любила,

Осуждала и боготворила,
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль?
Дверь не закрывать.

1935

5

Пусть не пишешь, запираешь двери,
Принимаешь к сердцу чью-то ложь,
Все равно мы встретимся, я верю:
Волны, схлынув, вновь идут на берег,
Первую любовь не изживешь.

С детства, с парты школьной мне знакома,
Радостью взлеяна одной,
Не оставишь, не уйдешь к другому:
Где бы ты ни ездила —
Ты дома,
С кем бы ни ходила —
Ты со мной.

1935

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укроюсь —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может, —
Так грозовые облака
На кудри темные похожи;

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молнии по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,

Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

1938

7

Никогда не поздно встретиться,
Расставались не на век.
Где теперь моя ровесница,
У каких озер и рек?

По лесам-полям скитаешься,
Чемоданчик — весь багаж.
Отчего не догадаешься,
Вести сердцу не подашь?

Неужель и в пору темную,
В тишине,
Наедине
Хоть разок меня не вспомнила,
Не вздохнула обо мне?

1937—1938

8

Тяжело остаться одному.
Столько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свѣту.

Пре́до мной земля́ как на виду́,
Сверстники́ везде́ и побратимы́,
Даже́ с полюсом я́ речь веду́...
А своей́ любимой не найду́,
Не могу́ найти́ своей́ любимой.

Коль одна́ живешь в чужом краю́,
Отзовись, я́ клятвы́ не нарушу́,
В прах все расстоянья́ разобью́...
Если́ ж не одна́, тогда́ мою́
Отпусти́ на покаянье́ душу́.

1939

ЛИСИЦА

Черно-серебряная лисица
Из приуральских степей,
Мне беспокойно спится —
Думаю о тебе.

Строгая твоя поступь,
Черные твои глаза...
Что я скажу тебе?
Просто:
Мне без тебя нельзя.

Хвастался раньше охотно,
Сжав пятерню на груди,
Я ли, мол, не охотник,—
Лучше не подходи!

И — не знаком со страхом,
И — семерых побивахом;
Выстрелам несть числа...
Встретил тебя —
И прахом
Выправка вся пошла.

Сразу угрюм, неловок
Стал краснобай-зверолов:
Не до хвальбы зверолову,
Не до красивых слов.

В темную ночь не спится,
Думаю о тебе:
Ходишь, моя лисица,
Не по моей тропе.

1940

ОЖИДАНИЕ

Спи, не тревожься, на зорьке разбудят.
Я продежурю ночь до конца.
...Мальчик иль девочка это будет?
В мать ли пойдет
Иль будет в отца?..

Спи!.. А какое бы выдумать имя —
Новое, светлое?..
Бьют часы.
...Сын или дочь — одинаково примем.
Думаю, все-таки будет сын.

Звездным сияньем, лунной порошей
Полночь лежит у резного крыльца.
...В мать ли, в отца ли — будет хорошим.
Все-таки, думаю, будет в отца!

1937

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Всю ночь под окном провода гудят,
Шумно вздыхает ель
И каплет с крыши, тоску наводя,
Чертова канитель.

Водой набухая, киснет земля,
Как тесто в квашне, шипит.
Раздвинулись вширь пустые поля,
Кругом не стерня — шипы.

Полдень, а будто не рассвело.
Будет ли он, рассвет?
В небе серо,
На земле голо,
Даже и тени нет.

Выйдешь — озноб проберет до пят.
Каплет...
И так везде.
Не от того ли зубы болят
Осенью у людей?

Не потому ли столько друзей,
Робких еще ребят,
Женятся осенью в дни дождей:
Капли гранит долбят.

Знать, от судьбы не уйти и мне:
Смыты водой мосты,
Только и света в твоём окне,
Радостей — только ты.

1938

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних,—
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг,— вот она!

И как живой воды пригубит,
Иль словно крылья отрастут.
А если примет, значит любит,
Поверит в сердца чистоту.

1946

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами,
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится,
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет,
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —
И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью,

А дорога вокруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их ничто не разлучит.

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

* * *

Жил я в доме у синих скал,
Жил, работал время не тратил.
Поутру окно открывал,
Закрывал перед сном, на закате.

Нынче помню только одно:
Ты с горы, как с неба, сходила.
Я не мог затворить окно,
И пошло все не так, как было.

Был закат — занялся восход
На четыре стороны света,
Снова птицы снялись в полет,
Зашумел полуденник ветер,

Ожил лес, ожила вода.
Ты спускалась с горы по краю...
Будь я даже слепым —
И тогда
Я тебя увидел бы, знаю.

1943

* * *

Дым, дым окрест,
Дым — не продохнуть,
И глаза ест,
И спирает грудь.

Будто сумерки в дому,
Сажа на стене.
Весь свет в дыму,
Вся земля в огне.

Но и здесь, на войне,
С горной высоты,
Ярче всех огней
Мне сияешь ты.

Дым, дым окрест,
Но в душе свет:
Нет таких мест,
Где тебя нет.

1943

* * *

Что нам тысячи километров!
Имя вслух мое назови —
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

1943

* * *

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна.
Мнится мне: в сиянье разодета,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень, кажется, поет.

Мимо сосен, и дубов, и тун
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми, зыбкими столбами
С облаками лес соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:

 таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Все сиянье неба и земли.

1943

* * *

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!
Как солнечный свет, как живая вода
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпением
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду;

И ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому:
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

ЖИВАЯ ДУША

На стеклах январских узоры:
Подобие чащи лесной,
Тропинки и снежные горы,
Над кручей дворец ледяной.

За дочкой слезу я ревниво:
Ужель не оценит она?
— Скажи, ведь красиво?
— Красиво! —
Но смотрит в поля из окна.

Никак ей в дому не сидится,—
Что толку дышать на стекло?
Надела пальто, рукавицы,
Как только в окне рассвело.

— Осталась бы с нами хоть на день,
Промерзнешь, промокнешь в снегу.
Тут все что душе твоей надо...
Но дочь говорит:
— Не могу!

Что ж, верно! На стеклах растает
Непрочный, как в сказке, узор,
А в поле — поземка живая,
Живой и манящий простор.

И пусть даже выступят слезы —
Дороже ей всякой игры
Дышать настоящим морозом,
Лететь с настоящей горы.

1955

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятиглавому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кашея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала,
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки,
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

* * *

Пожелай — и останусь навеки
Чабаном на твоём берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись — и в лесные просторы,
В глухаринные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай.
Но решишь, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

1945

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
К тебе вдруг хлынут на порог ---
Покажется еще печальнее,
Что ты друзей нажить не смог.

Все не под силу:
Дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
В нужде и в горе дня не выстоять ---
Как без друзей на свете жить?

1944—1946

* * *

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да, ветер дул и дождь моросил...
Но, если б ты из дому вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил,
Дорога бы не раскисла.

И если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

1945—1946

* * *

И в лесу не нашел покоя.
До чего же слаб человек!
Снова я с тобой
И с такою
Примириться готов навек.

По проселкам с ружьем скитаюсь,
И не счесть, сколько раз на дню
То клянуп тебя,
То покаюсь
И во всем лишь себя виню.

Как ни кинь, а все дорогая,
Мне и дня без тебя не жить.
Разве может когда другая
В чем-нибудь тебя заменить!

Не пошла на пользу охота,
Вдруг до крика сдавило грудь,—
И не будь в тот день самолета,
Я пешком бы пустился в путь.

Но, свалившись с небес под вечер,
Снова сник я —
В который раз! —
От твоих прямых, бессердечных,
От твоих неуютных глаз.

Где уж тут сгоряча, толково
Слово нужное подобрать!
Жаль, что я не сдержался снова:
Прилетел из края лесного —
Надо было пешком шагать.

1953—1955

* * *

Да, дни твои не будничны, не серы,
И свет идет от твоего лица,
Живешь легко, ни в чем не знаешь меры,
То слезы льешь, то песням нет конца.

В лес заберешься, птичьим трелям вторя,
Самой назад дороги не найти.
Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути.

И в радостях и в горе непритворна.
Люблю твой взгляд, и смех, и почерк твой.
Вся сказка ты, вся песня ты, бесспорно...
Но до чего ж мне трудно жить с тобой.

1945

* * *

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глуши, в шалаше,
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Как же мне тебя позабыть?!

1945—1946

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться,
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье,
И не могу не тосковать, не ждать,
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

1959

* * *

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле ---
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома,
Широкоплечий страшен был,
Он у врага в доме, как дома,
Закинув голову, ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из большого из такого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят.
Умру, и ей в моем доме
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей,
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу.
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

1939

УПРЕК

Гасит огни больница —
Все не смыкаю глаз.
Что бы тебе появиться
В этот нелегкий час,

В этой, в моей палате,
Хоть на минутку
Вдруг,
В белом до пят халате:
Все-таки старый друг!

Сел бы у изголовья.
Вот мы опять вдвоем!
Может, хоть о здоровье
Справился бы моем.

Врозь иногда по году —
Трудно заговорить.
Что-нибудь про погоду
Молвил бы, может быть.

Я понимаю: служба,
Лекции там и тут,
Темы — любовь и дружба —
Отдыха не дают.

Можно ли отвлекаться?
Но ведь и я живой.
Что бы тебе догадаться
Вспомнить о том порой.

И хоть перед рассветом
Иль на исходе дня
С темой бы вечной этой
И навестить меня!

1954—1955

ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Листья гремят под ногой, как жесьь,
В голый березник спустилось небо,
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмещают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Кажется, сосны и те пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна —
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не удержаться от поцелуя.

Как мне назвать тебя — ясный свет?
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осенью нет,
Но для чего богатство без милой?

1944

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Бродил я по заречной стороне
И вдруг увидел девушку в окне.
Пусть скажут: «Несерьезный человек!» —
Но я такой не видывал вовек.

С каким-то объявлением из двух строк
На внутреннюю сторону стекла
Наклеила она простой листок,
Как будто знак любви мне подала.

«Сдается комната!» — я прочитал.
Признаться, я ночлега не искал,
Но тут взглянул —
И до чего ж она,
Та комната, мне стала вдруг нужна!

К окну резному ближе подхожу,
На девушку во все глаза гляжу.
Она молчит.
Рука еще в клею.
И я уже как пред судьбой стою.

Хоть ненадолго захотелось мне
Устроиться в заречной тишине.
В бездымном деревянном городке,
От рощиц и полей невядалеке.

Листок я начал заново читать:
«Сдается комната...
(А что не снять?)
Для одинокого...»
И вот урок:
Зачем я стал дочитывать листок?

Уж лучше б не заглядывать в окно,
Мне жить в тиши заречной не дано.
Условий этих я принять не мог:
Ведь я давно-давно не одинок.

1954—1955

* * *

Опять о далекой милой,
О первой затосковал.
Не с нею ли счастье было?
Но что я в нем понимал!
Куда подать телеграмму?
Как сердце унять свое?..
Назвал навсегда любимой,
Когда потерял ее.

Вторая, как непогода,
В мой дом, в мою жизнь вошла.
Я все без оглядки отдал.
А что она отдала?
Я в душу ее чужую
Не смог занести огня.
И, может, затем тоскую,
Что в грош не ставит меня.

1942

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!.. —
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...

— Ну вот мой дом, моя семья.
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вокруг стола
Под люстрою стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет,
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка фостом с ноготок.
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,
Работы много,— говорит,—
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

ЕЛОЧКА

Вдали от дома, от Москвы,
От всей своей родни,
Под Новый год остались вы
Совсем-совсем одни.

Я не звонил, не подавал
Тревожных телеграмм,
Собрался вмиг — и на вокзал,
На юг, на праздник к вам.

Казалось, что наедине,
Вдали от шумных дел,
Заговорить удастся мне,
О чем давно хотел.

Я верил: слышные едва
В полуночной тиши,
Дойдут до вас мои слова,
Слова и крик души.

А днем — об этом я не знал —
В посылке заказной

Вам кто-то елочку прислал
Из области лесной.

Хоть не нарядна и мала,
Без восковых свечей,
Она живой для вас была,
Вы радовались ей.

Как я жалел, жалел до слез,
Почти не пил вина,
Что елочку не я привез,
Что не моя она.

Не догадался, как нужны
Для вас на Новый год
Приметы милой стороны,
Дыханье непогод.

Ужели есть для вас родной,
Другой, родней, чем я?
Всю душу отдал вам одной,
А елка не моя.

Сбылось, как думал:
За столом
В предновогодний час
Сидим наедине, вдвоем,
Но елка промеж нас.

Колючая,
За много верст
Пришла, взяла свое.
Вы поднимали каждый тост —
Я видел — за нее.

Рукою — это не в упрек! —
Ее ласкали вы,
Как непокорный вихорок
Упрямой головы.

. И вспыхивали огоньки
На зелени ветвей
От вашей ласковой руки,
От ревности моей.

Но я молчал.
Уже восход
Вставал среди вершин...
Встречал я этот Новый год
Совсем-совсем один.

1956

ПРИМЕТЫ

Как я радовалась приметам,
Часто выдуманным самой,
По которым зимой и летом
Выходило одно:
Ты — мой!

От невзгод не скудела сила,
Только б светлыми были сны,
Только б слева луна всходила,
Ведро были б водой полны.

Будто влаги живой пригубишь,
Уронив ненароком нож,
И уж верилось:
любишь, любишь,
Несмотря ни на что, придешь!

Подшутить над собой не смела.
Соль рассыпав, теряла речь,
Никогда горбушек не ела,
Чтобы счастье наше сберечь.

Ничего-то ты не заметил
И не понял моих примет.
Что теперь мне подковы эти,
Коль тебя в моем сердце нет.

1956

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?»...
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1952

* * *

Да, отзывчивая, сердечная!
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного:
Из какой-то заморской хижины
Вдох дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого, далекого...

И не видит, что тут же около
Свой родной человек терзается,
По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе-горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

* * *

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно
И неустанно...
Что же от глаз моих прячешься?
Странно... —
Ты для меня и теперь молода.

1959

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.

1951—1954

* * *

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада —
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной.
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись же видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не за зря растрочена сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела, —
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи! Живи!

1959

СУДЬБА

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

1954

ХОЧУ ВЕСНУ!..

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук нарастая издалека, —
Из недр снеговых,
Из неясных мук:
Весна начинается с влажных выюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу,—
Опущены крылья,

Развернут хвост,—
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок,
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь!
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь! —
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу Весну!

1958—1959

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Обращение к читателям	5
У кабинета Ильича	7
С годами...	9
Зимний фотоснимок	11
Память	12
Орел „”	14
Утром не умирают	15
Зайчонок	17
«Когда-то и я не убить не мог...»	19
В чужом краю	20
Напутствие сыну	22
«Весна — куда ни кинешь взгляд...»	24
Перед праздником	26
«Страшно любить и быть нелюбимым...»	28
Письмо в «Лесную газету»	30
Товарищам по оружию	33
На взморье	35
Пустырь	37

Илье Сельвинскому	
1. «Мороз расписал оконные стекла...» .	38
2. «Нам бы жить с тобой до седин...» .	39
В морском музее	41
В день рождения	43
Заморозок	44
Русский язык	45
Пробуждение	47
Чудеса	49
Обсерватория Улугбека	51
Песочные часы	52
Красная площадь	53
По своей орбите	55

Ю Г - Р Е К А

Твоя родина	59
Москва — Вологда	61
Рад всему	63
По свежему снегу	65
«Тихий деревянный городок...»	66
Деревня Блудново	68
«Все, что было на землю...»	71
Гость	73
Мать	75
«Я встретил женщину...»	76
Чудо-сабля	78
«Деревня Зори вешние...»	80
«К сиротской доле относясь с участием...»	82
Юг-река	83
Только на родине	84
«Тишина над рекою...»	86

Тетерев	88
Охотник	90
«Грохот моря слышен издалёка...»	93
Добрый праздник	94
Хмель	96
«Ночка лунная светла...»	99
Весеннее	100
Земной поклон	102
Мы еще поговорим	104
О насущном	107

П Р И С К А З К И

«Что-то есть в тебе очень хорошее...»	111
Заречная красавица	112
Олена	115
«Слова-то красивого...»	118
Мега	120
Ленок	122
«Шла я нынче за́имкой...»	124
Девушка затосковала	126
Авдотьюшка	127
Пуговка	129
Северное сказание	132
Невеста	135
Сватовство	137
Баллада о рыбаках	142
На сенокосе	144
Дожинки	146
Настасья	149
Евдокия Петровна	155
Вологда	163

Вологодское новогоднее	166
Михаилу Пришвину	
1. Сосновая грива	168
2. Величальная	169
Зеркальце	170
Свежий хлеб	174
Сосна	176
Зверолов	178
«Никогда так низко не свисали...»	181
Присказки	183

В О Е Н Н Ы Е Г О Д Ы

Далекie походы	191
«Не позабыть мне первых схваток...»	193
Поле	195
Обстрел	197
Шинель	199
Баллада о танке	201
Русские мы	204
Новички	206
Землянка	208
Сорок первый год	211
«Здесь орудийные раскаты...»	213
Осина	215
Высота	217
Триста моряков	219
Атака	221
Контр-адмирал	223
Это было на Волге	226
В Сталинграде	228
«Листья осенние шелестят...»	230

Наши нелады	231
Телеграмма	233
Отпускник	235
Хозяева	238
Шторм	241
После боя	243
В Крыму	245
Малая земля	247
Матросский сын	249
«Каждый год весна как чудо...»	252
«Весна по всем дорогам...»	254
Сама победа	256
Березы	259
Канавы	261
Солдатской матери	263
Не умру	265

Р О М А Н Т И К И

Находка	269
Ленинский проспект	270
Первые стихи	272
Романтик	274
Учетчица на льду	276
Плотник	279
Взрыв	284
Лоцман	287
В гостях у сына	289
Квартирный вопрос	292
Письмо родителей	297
Богатырь	300
Поля Батракова	303

В выходной день	307
Степное море	309
Шлюз открыт	310
На передовой	312
В алтайской степи	315
«Тянет в простор полей...»	316
«Солнце марта в степь вошло...»	318
Первая борозда	319
Алтайская весна	320
Березовые колки	322
«Снег наконец сошел на нет...»	324
Первая песня	326
В ночную смену	328
Вагон в степи	330
Конюх	332
В гóрном Алтае	336
После дождя	338
В родном дому	339
Пшеница	344
Осень-красавица	346
Два урожая	348
Новоселье	351
Элеватор	353
Ощущение весны	354
Первый эшелон	355

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

В сорок лет	359
Первые письма	
1. «Как целина в цветах весны...»	360
2. «Ни покоя тебе...»	360
3. «Ласточка от ястреба спасаясь...»	361

4. «День ли, ночь ли — света нет без милой...»	362
5. «Пусть не пишешь...»	363
6. «Шумит, деревья гнет гроза...» . . .	364
7. «Никогда не поздно встретиться...»	365
8. «Тяжело остаться одному...»	365
Лисица	367
Ожидание	369
Поздней осенью	370
«Все расскажи...»	372
Речка и тропка	373
«Жил я в доме у синих скал...»	375
«Дым, дым окрест...»	376
«Что нам тысячи километров...»	377
«Очень много солнечного света...»	378
«И что из того, что уходят года...» . . .	380
«Ты такое прощала...»	381
Живая душа	383
«Если б ты в реку упала...»	385
«Пожелай — и останусь навеки...»	387
О дружбе	388
«Опять не пришла...»	389
«И в лесу не нашел покоя...»	390
«Да дни твои не будничны...»	392
«Я тебя не хочу встречать...»	393
«Боюсь любви...»	394
«Скрутит тебя любовь...»	395
В минуту гнева	397
Упрек	399
Время любви	401
Сдается комната	403
«Опять о далекой милой...»	405
Спокойнее вдвоем	406

Елочка	409
Приметы	412
Извечное	414
«Да, отзывчивая, сердечная...»	416
«Странно, ты стала какой-то стыдливой...»	417
Перед дорогой	418
«Только живи...»	420
Судьба	421
Хочу весну!..	423

Александр Яковлевич Яшин

ГОДЫ ЖИЗНИ

Редактор *Э. Кондратьева*
 Художественный редактор *С. Данилов*
 Технический редактор *Ф. Артемьева*
 Корректоры *М. Муромцева* и *А. Стукова*

Сдано в набор 7/III 1961 г. Подписано к печати 26/IV 1961 г. А04844

Бумага 70×108¹/₃₂ — 13,5 печ. л. 18,4 усл. печ. л.
 10,99 уч.-изд. л.+1 вкл.=11,04 л. Тираж 8500. Заказ № 233

Цена 66 к.

Гослитгиздат, Москва Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 8
 Управления полиграфической промышленности
 Мосгорсовнархоза
 Москва, 1-й Рижский пер., 2

